

7 68

12490

ИЗДАТЕЛЬСТВО

П. Наторпъ.

профессоръ философіи Магбургскаго университета.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА

(Общее введеніе въ философію и основныя начала
логики, этики и психологіи).

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія

подъ редакціей и съ предисловіемъ

Б. А. Фохта.

ИЗДАНИЕ
Н. Н. ИЛОЧКОВА.

МОСКВА,
1911.

П. Наторпъ.

профессоръ философіи Марбургскаго университета.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА

(Общее введеніе въ философію и основныя начала
логики, этики и психологіи).

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія

подъ редакціей и съ предисловіемъ

Б. А. Фохта.

ИЗДАНИЕ
Н. Н. КЛОЧКОВА.

МОСКВА,
1911.

Г 67

13490

СВЕРЕНО
17 г.

БИБЛИОТЕКА СО АН СССР
Г. Москва
Философский отдел

СВЕРЕНО
21/10/11

888 21
64
МОСКВА.

Т-во «Печати С. П. Яколевича». Петровка, Салтык. пер., д. Т-ва, № 9.
1911.

СВЕРЕНО
с фондом

Предисловіе къ русскому переводу.

Настоящій переводъ „Филосовской Пропедевтики“ П. Наторпа сдѣланъ съ третьяго нѣмецкаго изданія 1909 г. Первая половина этого сочиненія, кончая стр. 53, переведена мною единолично, вторая—совмѣстно съ слушательницей Высш. Женск. Курс. Л. А. Даниловой. Предлагаемое краткое руководство можетъ быть весьма полезнымъ прежде всего для тѣхъ русскихъ читателей, которые бы пожелали имѣть сжатое и ясное изложеніе рѣшенія основныхъ филосовскихъ проблемъ съ точки зрѣнія критицизма Канта. Обусловленная слишкомъ большою, сжатостью изложенія трудность для пониманія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, впрочемъ лишь очень немногихъ, мѣстъ вполне искупается образцовой ясностью и послѣдовательностью всего изложенія въ цѣломъ, а также глубиной и пронизательностью анализа основныхъ теоретико-познавательныхъ, этическихъ и психологическихъ проблемъ. Значительную помощь можетъ оказать это сочиненіе также и всѣмъ тѣмъ, кто ищетъ внутренняго

объединенія и связи отдѣльныхъ философскихъ дисциплинъ въ единой философской системѣ, понятой однако не въ смыслѣ одинаго міровоззрѣнія, а въ смыслѣ системы принциповъ разныхъ родовъ философскаго познанія. Въ послѣднемъ отношеніи предлагаемое сочиненіе проф. Наторпа могло бы имѣть особенно плодотворное значеніе для всѣхъ, кто изучаетъ у насъ такъ называемую „Философскую Пропедевтику“, слишкомъ часто оказывающуюся лишенной того внутренняго единства, пониманіе котораго одинаково необходимо какъ для усвоенія, такъ особенно и для преподаванія этого предмета.

Б. Фохтъ.

Москва, 15 ноября 1910 г.

I. Общее введеніе въ философію.

Понятіе, методъ и раздѣленіе философіи.

§ 1. Предварительное опредѣленіе понятія.

По своему историческому понятію философія есть основная наука, т.-е. та наука, которая должна установить единство человѣческихъ познаній черезъ выясненіе того общаго послѣдняго фундамента, на который всѣ они опираются.

Въ предѣлахъ этого общаго понятія философіи возможно однако множество отдѣльныхъ опредѣленій, которыя въ дѣйствительности и были испробованы. Чтобы рѣшить, какое изъ этихъ возможныхъ пониманій философіи соотвѣтствуетъ истинной задачѣ основной науки, мы выставляемъ въ качествѣ нормы положеніе, что только та философія будетъ истинной философіей, которая съ одной стороны сама можетъ похвалиться наибольшей неоспоримостью своихъ основаній, съ другой стороны—исходитъ изъ достаточно общей точки зрѣнія, чтобы стать дѣйствительнымъ фундаментомъ для

пониманія всей совокупности предметовъ, входящихъ въ кругъ человѣческаго познанія. Въ первомъ отношеніи мы требуемъ отъ истинной философіи, чтобы она была въ состояніи и сама себя оправдать въ качествѣ науки, и сохранить тѣсную связь со всякой другой прочно обоснованной наукой (формальный критерій); во второмъ отношеніи, чтобы она могла рѣзко разграничить различные интересы познанія, такъ же какъ и объединить ихъ, съ другой стороны, во внутреннемъ основномъ единствѣ (матеріальный критерій).—Уже нѣкоторые предварительныя соображенія ведутъ къ признанію того, что всѣмъ этимъ требованіямъ въ ихъ совокупности не будетъ удовлетворять никакая другая философія, кромѣ той, которая единства познанія ищетъ, такъ сказать, не на периферіи научнаго знанія, въ предметахъ, подлежащихъ познанію, но въ центрѣ, въ самомъ познаніи и въ его собственной внутренней законѣрности. Путь, которымъ идетъ эта философія, мы называемъ, въ память о Кантѣ, критическимъ.

§ 2. Естественное познаніе и его первоисточникъ.

Чтобы только что полученному результату придать еще большую прочность, мы начнемъ съ естественнаго познанія и затѣмъ уже будемъ разсматривать то преобразование, которое оно испытываетъ со стороны науки, съ цѣлью выяснить, достигается ли требуемое единство познанія уже на

пути его естественнаго развитія, или только въ научномъ познаніи.

Естественное познаніе направляется непосредственно на предметъ. Оно исходитъ изъ воспріятія, усматривая въ немъ первоначально простое отображеніе предмета. Но воспріятіе не есть что-либо безусловно простое. Оно содержитъ въ себѣ, и притомъ въ известной связи, многообразіе элементовъ—ощущеній, которыя могутъ быть различаемы между собой и способны вступать въ связь другъ съ другомъ. Это различеніе и соединеніе происходитъ прежде всего и наиболѣе общимъ образомъ въ двухъ областяхъ, въ пространствѣ и во времени, а затѣмъ также и въ сферѣ качества, которое въ отличіе отъ пространства и времени не есть что-либо однородное, а, напротивъ, представляетъ собою источникъ всяческаго разнообразія. Съ воспріятіемъ почти неразрывно переплетается другой главный факторъ естественнаго познанія,—воспроизводящее представленіе (*repräsentative Vorstellung*), которое, въ отличіе отъ присущаго воспріятію характера непосредственной наличности, выражаетъ способность дѣлать представимымъ то, что не дано въ непосредственной наличности. Эта способность въ зародышѣ заключается уже въ сознаніи каждаго хотя бы самаго незначительнаго промежутка времени; она простирается также и на сознаніе пространства и, наконецъ, на всякое схватываніе чувственнаго многообразія въ единствѣ сознанія. На этой способности основывается сознаніе всякаго постоянства и измѣненія,

при чемъ и то и другое относятся въ равной мѣрѣ какъ къ мѣсту, такъ и къ качеству (покой и движеніе, пребываніе чего-либо тождественнымъ себѣ по качеству и переходъ во что-нибудь другое). Сознаніе устойчивости предмета въ смѣнѣ его явленій даетъ представленіе вещи или субстанции, сознаніе сохраненія одного и того же отношенія между измѣненіями различныхъ вещей—представленія причины и дѣйствія. Уже изъ этихъ главныхъ факторовъ можно понять все отображеніе міра въ естественномъ познаніи. Не меньшую роль играютъ эти факторы и въ томъ преобразованіи, которому естественное познаніе подвергается со стороны науки.

§ 3. Естественныя категоріи.

Извѣстное единство познанія дано уже черезъ то, что оно все сплошь строится изъ указанныхъ выше немногихъ, тѣсно связанныхъ между собой основныхъ факторовъ. Даже естественному познанію не чуждо уже нѣкоторое сознаніе этого присущаго ему внутренняго единства его основной структуры, какъ это съ особенной ясностью и столь многообразно обнаруживается въ строеніи языковъ,—въ классахъ словъ, въ ихъ формахъ и синтаксическихъ отношеніяхъ. Эти начала естественнаго познанія нашли себѣ опредѣленную формулировку въ системѣ категорій Аристотеля. Въ основу онъ кладетъ категорію вещи или субстанции. Ве-

щи прежде всего опредѣляются по своему качеству. Вещи, обладающія извѣстнымъ качествомъ, могутъ быть даны въ различномъ числѣ (количествѣ). Сравнимость вещей между собой по качеству и количеству обосновываетъ примѣнимость новой категоріи отношенія. Далѣе, каждой вещи, поскольку она представляется какъ опредѣленно существующая, свойственно пониманіе ея (Auffassbarkeit) какъ данной въ опредѣленномъ мѣстѣ и моментѣ времени, въ нѣкоторомъ „гдѣ“ и „когда“. Причинное отношеніе между измѣненіями различныхъ вещей находитъ свое выраженіе въ категоріяхъ дѣйствія и страданія. Для выраженія устойчивыхъ состояній въ отличіе отъ измѣненій служатъ категоріи положенія (Situs-*χώρα*) и обладанія (Habitus-*ἕξις*), причемъ первая категорія понимается, повидимому, какъ противоположность активнаго, вторая же,—какъ противоположность пассивнаго измѣненія. Легко видѣть, что всѣ эти основные способы пониманія коренятся въ указанныхъ элементахъ естественнаго познанія и выражаютъ ихъ съ извѣстной полнотой и систематичностью. Ихъ поэтому съ полнымъ правомъ можно обозначить какъ естественныя категоріи.

§ 4. Критика естественнаго познанія.

Сколь послѣдовательнымъ и необходимымъ ни представлялось бы построеніе естественнаго позна-

нія на основѣ воспріятія, оно все же не выдерживаетъ строгой провѣрки. Познаніе это съ начала новаго времени было постепенно преобразовано наукой.

Прежде всего научной критикѣ подвергалось Аристотелевское понятіе вещи. Какъ ни достовѣрно, что для каждаго имѣющаго значеніе высказыванія необходимъ тождественный себѣ субъектъ, и что всякое измѣнчивое опредѣленіе этого субъекта въ концѣ концовъ логически должно быть отнесено къ неизмѣнному опредѣленію его (какъ субстанція), тѣмъ не мѣнѣе основная ошибка естественнаго мышленія, отъ которой не могъ освободиться Аристотель, состоитъ въ томъ, что эту искомую устойчивую основу принимаютъ за данную, именно усматриваютъ ее въ „вещи“ обыденнаго представленія, получающей посредствомъ обозначенія ея именемъ существительнымъ значеніе субстанціи. Языкъ въ единствѣ словеснаго выраженія удовлетворяетъ требованію этой устойчивой основы лишь по видимости, и донаучное познаніе на первыхъ порахъ остается во власти этой видимости. Лишь послѣдствіемъ этой первой ошибки является то, что всѣ дальнѣйшія опредѣленія присоединяются затѣмъ къ „вещи“ въ качествѣ простыхъ „признаковъ“ ея, причемъ эти послѣдніе частью въ качествѣ „существенныхъ признаковъ“ характеризуютъ вещь, какъ таковую, частью въ качествѣ несущественныхъ, лишь „акцидентальныхъ“, должны тѣмъ не менѣе имѣть основаніе своей возмож-

ности въ сущности вещи, къ которой они относятся. Правда и научный способъ познанія твердо стоитъ на требованіи неизмѣннаго основанія, къ которому должна относиться всякая смѣна опредѣленій, но научное познаніе не рассматриваетъ субъектовъ измѣненій и отношеній какъ нѣчто первоначально данное. Первоначально даны для него скорѣе самыя эти измѣненія и отношенія. Въ нихъ то наука и старается впервые найти устойчивое, котораго она уже не надѣется болѣе получить (прежде всѣхъ этихъ измѣненій и отношеній) въ какой либо неизмѣнной системѣ вещей. Только на основѣ законмѣрности отношеній и измѣненій опредѣляетъ она ихъ субъекты, подобно тому, какъ механика, опираясь на какой-нибудь постоянный факторъ, обуславливающей движенія (напримѣръ массу), старается выразить то, что движется (матерію). Чрезвычайно богатое по своимъ послѣдствіямъ значеніе этого кореннаго измѣненія основной точки зрѣнія на предметъ познанія заключается въ томъ, что становящаяся все болѣе глубокой работа познанія во всѣхъ областяхъ его приводитъ, какъ оказывается (при этой новой точкѣ зрѣнія), къ процессамъ, идущимъ въ безконечность. Передъ этими безконечностями въ страхъ отступаетъ естественное мышленіе, какъ это съ классической ясностью обнаруживается у того же Аристотеля въ отклоненіи имъ всѣхъ родовъ настоящей безконечности. Результатъ обусловленной этимъ взглядомъ коренной перемѣны самой точки зрѣнія на вещи

выражень Кантомъ въ его утвержденіи, что „вещи вполнѣ и всецѣло состоятъ изъ отношеній“, среди которыхъ однако есть „самостоятельныя и постоянныя отношенія“, которыя впредь и должны замѣщать для насъ вещи.—Во-вторыхъ, научная критика направлена также и на обычное представленіе о качествахъ, опирающееся на непосредственныя показанія нашихъ чувствъ. Качества, различаемыя нами въ вещахъ на основаніи воспріятій отдѣльных органовъ чувствъ, напримѣръ, цвѣта, тона и т. д., не только измѣняются въ зависимости отъ субъективныхъ условій нашего воспріятія, отъ устройства нашихъ органовъ чувствъ и ихъ отличнаго въ каждомъ данномъ случаѣ положенія относительно объектовъ, но, даже и взятыя сами по себѣ, качества эти вообще не поддаются однозначному опредѣленію, не могутъ быть постигнуты въ ихъ строгой тождественности (себѣ) и, слѣдовательно, вообще не могутъ характеризовать вещи въ требуемой для нея строгой опредѣленности. Недостатокъ этотъ распространяется также на количественныя, временныя и пространственныя опредѣленія вещей, поскольку они (съ точки зрѣнія обыденнаго сознанія) должны опираться на показанія нашихъ органовъ чувствъ. Поэтому какъ относительно этихъ (т. е. количественныхъ, временныхъ и пространственныхъ) опредѣленій, такъ и вообще въ какомъ бы то ни было отношеніи, абсолютное познаніе объектовъ недостижимо на почвѣ чувственного воспріятія. Болѣе глубоко проникающее

(научное) познаніе всегда направлено такимъ образомъ на относительныя величины, и, въ концѣ концовъ, на безконечность отношеній. Вообще абсолютизмъ эмпирическаго является основной ошибкой естественнаго способа познанія,—такой ошибкой, однако, которая весьма естественна и даже неизбежна до образованія разработаннаго метода научной критики.

§ 5. Характеръ научнаго познанія.

Въ отличіе отъ естественнаго—научное познаніе основывается на томъ убѣжденіи, что только при условіи строгаго опредѣленія точки зрѣнія нашего сужденія и получаемого черезъ это ограниченія сферы нашего разсмотрѣнія—возможно методически развивающееся, но, разумѣется, на каждой изъ достигаемыхъ ступеней лишь относительное познаніе. На этомъ основывается точность науки, которая всегда предполагаетъ такое опредѣленное ограниченіе своего разсмотрѣнія и только черезъ это дѣлаетъ для насъ возможнымъ стать какъ-бы твердой ногой среди безконечности временныхъ и пространственныхъ отношеній. Основныя понятія и методы науки вездѣ должны были поэтому получить такое преобразование, чтобы стать способными къ неограниченному развитію и черезъ это сдѣлаться пригодными для идущаго въ безконечность процесса познанія. Но такъ какъ такому точному „ограниченію безграничнаго“ непосредственно и неогра-

ниченно доступны только количественныя опредѣленія явленій, то слѣдствіемъ этого является то, что качества по возможности стараются выразить въ количественныхъ опредѣленіяхъ, и особенно чувственныя качества замѣнить количественно опредѣленными физическими качествами (тоны—колебаніями воздуха и т. п.) Въ области количествъ повсюду оказалось возможнымъ сведеніе неоднородности и запутанности явленій къ простымъ закономѣрно однороднымъ факторамъ. На этомъ то сведеніи и основывается всякая возможность уже заранѣе конструктивно намѣтить простѣйшія основныя формы естественнаго процесса, а не только какъ бы считать ихъ съ явленій, т. е. возможность какъ бы антиципировать законы природы, черезъ что только и можетъ быть достигнуто дѣйствительное ея пониманіе, вмѣсто простого неосмысленнаго наблюденія теченія ея явленій. Эта своеобразная особенность научнаго познанія впервые нашла себѣ точное и въ то же время полное выраженіе въ новомъ обоснованіи механики у Галилея. Съ тѣхъ поръ эта особенность является характерной чертой „точныхъ“ наукъ и образуетъ существенное основаніе ихъ несравненной очевидности.

§ 6. Единство научнаго познанія и его граница. Трансцендентальные вопросы.

Теперь возникаетъ такой вопросъ: съ пріобрѣтеннымъ такимъ образомъ единствомъ метода па-

учнаго познанія не является ли въ нѣкоторой мѣрѣ уже достигнутымъ и искомое единство познанія вообще? Простымъ недоразумѣніемъ было бы думать, что единство научнаго познанія нельзя утверждать въ виду той пропасти, которая будто бы открывается между обѣими его областями,—физическаго и психическаго. Въ сферу разсмотрѣнія физическаго входитъ все то, что является; психическимъ можно назвать лишь самый процессъ явленія. Только вслѣдствіе того, что изъ процесса явленія дѣлаютъ особое самостоятельное явленіе, возникаетъ мнѣніе о двухъ порядкахъ явленій и тѣмъ самымъ о двоякаго рода познаніи. Выражаясь иначе: все, что только можетъ быть предметомъ сознанія, подлежитъ научному изслѣдованію въ единой связи и по единому методу. Недоступнымъ для этого метода остается только само сознаніе. Но сознаніе не есть какой-либо особый предметъ, подлежащій изслѣдованію наряду съ предметами сознанія. Только когда сознаніе, единственно въ отношеніи къ которому что-либо можетъ быть предметомъ, превращаютъ въ особый, самостоятельный предметъ,—возникаетъ видимость двоякаго рода предметности. Дана только двусторонность познанія, какъ бы двоякое направленіе пути познанія, которое съ одной стороны исходитъ отъ явленій и сводитъ ихъ къ предметамъ, съ другой стороны каждый такъ познанный предметъ возводитъ обратно къ явленіямъ, изъ которыхъ онъ былъ познанъ (ср. §§ 41, 42). Истинная и послѣд-

няя граница научнаго познанія заключается скорѣе въ томъ, что предметъ можетъ быть опредѣленъ въ немъ всегда лишь относительно, а между тѣмъ оказывается совершенно невозможнымъ обойтись безъ того, чтобы не мыслить себѣ, хотя бы въ качествѣ задачи, его абсолютнаго опредѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, единство и тождество, въ которыхъ мыслится предметъ, составляютъ безусловное требованіе, между тѣмъ какъ въ нашемъ познаніи они могутъ быть достигнуты всегда лишь относительно и условно. Но если вся достовѣрность научнаго познанія коренится въ отказѣ отъ абсолютнаго и въ принципиальномъ ограниченіи познанія одними отношеніями, то все же непреходимой границей является для него при этомъ то, что вопроса о безусловномъ научное познаніе не можетъ ни отклонить, ни удовлетворительно разрѣшить своими силами.

§ 7. Реальность познанія. Трансцендентальный вопросъ.

Существуетъ лишь одинъ путь, чтобы упрочить себѣ положеніе по отношенію къ такимъ послѣднимъ вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ превышаетъ силы даже научнаго познанія; это именно путь пониманія и проясненія самимъ познаніемъ своего собственнаго послѣдняго закона. Общимъ выраженіемъ задачи познанія является предметъ. Пока предполагаютъ, что предметъ существуетъ самъ по

себѣ безъ всякаго отношенія къ познанію, и что при этомъ онъ тѣмъ не менѣе долженъ быть доступнымъ познанію, до тѣхъ поръ на вопросъ о послѣднемъ отношеніи между познаніемъ и предметомъ нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта. Однако это первоначальное отсутствіе всякаго отношенія между познаніемъ и предметомъ есть само по себѣ нѣчто совершенно непонятное. Предметъ есть предметъ для познанія, онъ означаетъ только ту задачу, которую познаніе само себѣ ставитъ. Вопросъ о послѣднемъ отношеніи познанія къ предмету можетъ быть рѣшенъ, слѣдовательно, лишь съ точки зрѣнія самого познанія и присущаго ему закона. Если предметъ представляетъ собой какъ бы x въ уравненіи познанія, то смыслъ этого x долженъ быть понятъ изъ самой природы уравненія (т.-е. изъ самого познанія) черезъ отношеніе къ извѣстнымъ факторамъ этого уравненія (т.-е. нашимъ основнымъ понятіямъ), и именно отсюда должно обнаружиться, возможно ли разрѣшеніе этой задачи нашего познанія, и, если возможно, то въ какой мѣрѣ. Въ этомъ и заключается идея критическаго или трансцендентальнаго метода философіи. Трансцендентальный методъ не ставитъ своей задачей расширеніе познанія о предметахъ за границы, устанавливаемыя для науки ея собственнымъ методомъ; цѣль его заключается скорѣе въ томъ, чтобы отдать отчетъ о самыхъ этихъ границахъ черезъ разсмотрѣніе того присущаго познанію основнаго закона его, съ точки зрѣнія котораго

21
888

Т. С. АН СССР
Г. с. публ. научн.
Библиотечная

только и можетъ быть рѣшенъ вопросъ о характерѣ и границахъ предметности познанія. По своей исходной точкѣ зрѣнія методъ этотъ возвышается надъ познаніемъ, непосредственно направленнымъ на предметы (опытомъ), стараясь занять какъ-бы прочную позицію, стоя на которой онъ могъ бы заранѣе ориентироваться относительно общаго направленія пути этого познанія и его возможной цѣли; но онъ не открываетъ намъ особаго рода познанія какого-нибудь предмета за границами опыта; онъ, слѣдовательно, трансценденталенъ, а не трансцендентенъ. Однако трансцендентальный методъ не является ограниченнымъ исключительно областью теоретическаго познанія; напротивъ, именно этотъ методъ дѣлаетъ возможнымъ отграниченіе теоретическаго познанія отъ другихъ областей познанія, не однороднаго съ теоретическимъ, но находящагося все-таки въ необходимой связи съ нимъ и подчиненнаго тѣмъ же самымъ послѣднимъ законамъ, прежде всего основному закону законосообразности (*Grundgesetz der Gesetzhlichkeit selbst*). Отсюда вытекаетъ множество философскихъ проблемъ и философскихъ наукъ.

§ 8. Отдѣльныя задачи философіи.

Первой основной философской дисциплиной является наука объ основныхъ законахъ не только формальной, но и матеріальной или предметной истинности теоретическаго познанія, именно логика или критика познанія. Конкретнымъ

основаніемъ для нея является фактъ науки, прежде всего естествознанія. — Но въ то время какъ естествознаніе, въ качествѣ теоріи явленій, представляетъ ихъ намъ непосредственно во внутренней связи ихъ между собой по извѣстнымъ законамъ, логика, въ качествѣ теоріи этого самаго познанія, должна поставить себѣ задачей—раскрыть передъ нами закономѣрную систему (принциповъ), при которой только и возможна вообще наука о явленіяхъ.

Существуетъ однако также и практическое познаніе, т. е. познаніе не того, что есть, а того, что должно быть. Поскольку это познаніе опирается на особый лишь ему свойственный основной законъ, отличный отъ основнаго закона теоретическаго или естественнаго познанія, постольку—нужна и философія, которая излагаетъ эту особаго рода закономѣрность, выводитъ ее и опредѣляетъ ея отношеніе къ закономѣрности теоретическаго познанія. Подъ именемъ практической философіи или этики философія эта занимаетъ второе мѣсто среди основныхъ философскихъ наукъ.

Третьимъ способомъ объективнаго построенія, отличнымъ какъ отъ теоретически-научнаго, такъ и отъ пракческаго—является способъ дѣятельности художественной творческой фантазіи. Изслѣдованіе ея закономѣрности въ отношеніи къ закономѣрности теоретическаго и пракческаго познанія составляетъ предметъ философской эстетики.

Въ этихъ трехъ дисциплинахъ, тѣсно примыкающихъ одна къ другой и находящихся какъ бы въ

непрерывной связи между собой,—заключается философское обоснование того, что можно объединить под одним именем человеческой культуры. Всему этому противостоят религия, как нечто особенное и в известном смысле высшее. Философия не должна оставаться в стороне от критического разсмотрѣнія этой послѣдней; она должна поставить вопрос о происхожденіи религии и основаніях ея правомѣрности, въ особенности же выяснитъ отношеніе религии къ тремъ основнымъ направленіямъ культурнаго творчества. Въ этомъ состоитъ задача философіи религии.

Наконецъ, въ отличіе отъ всякаго дѣйствительно или только мнимо объективнаго познанія, самая субъективность сознанія, какъ таковая, требуетъ въ свою очередь особаго разсмотрѣнія. И если даже подтвердится тотъ взглядъ (ср. § 6), что это разсмотрѣніе совершенно не въ состояніи указать какихъ-либо самостоятельныхъ, исключительно ему свойственныхъ закономѣрныхъ основаній, но что оно выражаетъ собой, такъ сказать, только опознаніе вышеуказанныхъ объективныхъ способовъ построенія и ихъ многообразнаго переплетенія въ каждомъ данномъ переживаніи индивидуума, то все-таки самый фактъ этого опознанія и переплетенія требуетъ тѣмъ не менѣе ясно выраженнаго признанія и научнаго выясненія въ особомъ родѣ философскаго разсмотрѣнія, который мы называемъ психологіей. Въ психологіи и завершается такимъ образомъ критическая филосо-

фія. Для вышеуказанныхъ философскихъ дисциплинъ психологія не составляетъ необходимаго предположенія, а, напротивъ, сама ихъ всѣ предполагаетъ. Законодательство каждаго рода объективнаго построенія само претендуетъ на характеръ чистѣйшей объективности; разсмотрѣніе же того, какъ такого рода построеніе отражается въ непосредственномъ переживаніи субъекта, составляетъ уже вторую дальнѣйшую задачу.

$$\left. \begin{array}{l} x_1 \\ x_2 \\ \vdots \end{array} \right\} a,$$

II. Основные начала логики.

А. Главнѣйшія ученія о понятіи, сужденіи, умозаключеніи и доказательствѣ.

§ 9. Основная форма понятія и сужденія.

Познаніе есть понятіе и сужденіе о томъ, что называется предметомъ. И понятіе и сужденіе одинаково имѣютъ свой корень въ „синтетическомъ единствѣ“. Понятіе означаетъ единство разсмотрѣнія, распространяющееся на множество подлежащихъ разсмотрѣнію объектовъ, слѣдовательно, единство многообразнаго, тождество того, что вмѣстѣ съ тѣмъ подлежитъ различенію, т. е. синтетическое единство. Это удержаніе единаго въ многообразномъ, тождественнаго въ нетождественномъ составляетъ вообще корень всякаго познанія. Благодаря этому, то, что первоначально дано неопредѣленно, какъ x , опредѣляется какъ то-то и то-то, напр. a . Въ качествѣ схемы понятія можетъ служить символистическое изображеніе:

выражающее слѣдующее: нѣкоторое многообразное, данное намъ въ качествѣ такового какъ нѣчто различимое, но по своему содержанію еще неопредѣленное, опредѣляется какъ нѣчто тождественное $= a$. Здѣсь рядъ x_1, x_2, \dots означаетъ „объемъ“; a , какъ моментъ тождества, — „содержаніе“ простѣйшаго понятія; тому, что x_1, x_2, \dots всѣ вмѣстѣ и одинаково относятся къ одному и тому же a , соответствуетъ „общность“ понятія, ограниченію же разсмотрѣнія этихъ x посредствомъ избранной точки зрѣнія (a) соответствуетъ „абстрактность“. Вмѣстѣ съ тѣмъ та же схема выражаетъ и сужденіе въ его простѣйшей формѣ или смыслъ высказыванія: „ x есть a “. Многообразное $= x$ означаетъ въ такомъ случаѣ — „субъектъ“, какъ то, о чемъ нѣчто высказывается въ сужденіи; та же точка зрѣнія, съ которой разсматривается это многообразное, a , означаетъ „предикатъ“ сужденія, или то, что высказывается о субъектѣ; наконецъ „связка“ выражаетъ отношеніе между тѣмъ и другимъ: самый актъ сужденія. Первоначальный смыслъ сужденія заключается поэтому не въ приравниваніи или отождествленіи заранѣе данныхъ понятій субъекта и предиката, но въ опредѣленіи чего-то, сначала неопредѣленнаго, какъ „того-то, и того-то“, слѣдовательно, въ приобрѣ-

теніи впервые нѣкотораго тождественнаго себѣ мысленнаго содержанія *a*, или въ первоначальномъ образованіи понятія. Соотвѣтственно этому понятіе и сужденіе совпадаютъ въ своей первоначальной формѣ, такъ что понятіе означаетъ точку зрѣнія, съ которой высказывается сужденіе, сужденіе же—разсмотрѣніе (многообразнаго) съ той точки зрѣнія, которая устанавливается понятіемъ. Понятіе есть всегда „предикатъ возможныхъ сужденій“ (Кантъ).

§ 10. Матерія познанія.

Если понятіе въ своей первоначальной формѣ означаетъ опредѣленіе чего-то, что раньше еще не было опредѣлено, то отсюда слѣдуетъ, что понятіе всегда указываетъ на нѣчто, что, не будучи понятіемъ, должно еще только быть приведено къ понятію, на нѣкоторое данное = *x*, какъ матерію познанія, въ отличіе отъ понятія какъ его формы. Но эту матерію не нужно понимать совершенно отрицательно какъ нѣчто еще неопредѣленное, лишь подлежащее опредѣленію въ понятіи, но ее слѣдуетъ понимать въ то же время и положительно, какъ нѣчто опредѣлимое, или какъ наличную возможность всякаго опредѣленія, которое понятіе осуществляетъ въ этомъ опредѣлимомъ. Но если опредѣленіе въ понятіи заключается въ полаганіи единства въ многообразномъ, тождества въ различіи, то матерію познанія надо понимать, слѣдовательно, какъ нѣчто многообразное и содержащее различія

въ себѣ, или какъ нѣчто различимое и разложимое на элементы, какъ бы на точки или атомы даннаго. т.-е. о щ у щ е н і я. Ощущенія не должны быть однако изолированы абсолютно, но всегда должны быть способны входить въ связи между собой въ представленія хъ. Первоначальные способы связыванія и въ то же время разъединенія ощущеній, т.-е. самыя первоначальныя формы представленія, суть время и пространство, и при этомъ представленіе времени выражаетъ болѣе и прежде всего возможность обособленія элементарныхъ чувственныхъ содержаній, представленіе же пространства — возможность объединенія ихъ въ одномъ образѣ представленія. Представленіе поэтому слѣдуетъ точнѣе опредѣлить какъ временно-пространственную соединимость ощущеній, а ощущение, соотвѣтственно этому, — не только какъ послѣдній неразложимый элементъ представленія, но въ то же время и какъ нѣчто такое, что всегда дано теперь и здѣсь, или какъ то, что дѣлаетъ опредѣлимымъ каждый моментъ времени и каждую точку пространства. Въ ощущеніи и представленіи понятіе предзаложено, хотя оно еще въ нихъ не содержится. Болѣе того, функція понятія остается кореннымъ образомъ отличной отъ того, что приноситъ къ познанію чувственность. На ступени чувственнаго познанія содержаніе мыслится какъ безусловная наличность для сознанія; и только черезъ понятіе становится возможнымъ отношеніе наличнаго къ неличному, воспроизведеніе неличнаго посредствомъ налич-

наго. Но именно на этомъ основывается и всякое опредѣленное сознание самыхъ отношеній во времени и пространствѣ, равно какъ и сознание качественного содержанія ощущеній. Данное чувственности, взятое независимо отъ его опредѣленія въ понятіи, есть, слѣдовательно, въ дѣйствительности только x , подлежащій опредѣленію какъ то-то и то-то, теперь и тогда, здѣсь и тамъ, но самъ по себѣ не опредѣленный ни по содержанію, ни во времени и пространствѣ. Форма и матерія познанія такимъ образомъ находятся всегда въ извѣстномъ соотношеніи. На этомъ неустранимомъ въ предѣлахъ опыта взаимоотношеніи чувственного и логического факторовъ и основывается то, что познаніе должно мыслиться какъ процессъ, и, притомъ какъ процессъ, никогда не могущій достигнуть своего завершенія.

§ 11. Сложныя формы сужденій.

Изъ указанной выше основной формы сужденія легко можно вывести традиціонно различаемые въ логикѣ виды сужденій. Такъ, исходя изъ простой основной схемы сужденія (§ 9).

$$\left. \begin{array}{l} x_1 \\ x_2 \\ \vdots \end{array} \right\} a,$$

можно дать представленіе о такъ называемомъ „синтетическомъ“ сужденіи, послѣдовательно опредѣляя тѣ же самыя данныя $x_1, x_2 \dots$ цѣлымъ рядомъ

предикатовъ $a, b \dots$ и соединяя затѣмъ эти различныя опредѣленія въ нѣкоторое единство въ новомъ актѣ сужденія. Такъ получается схема:

$$\left. \begin{array}{l} x(a \dots) \\ x(b \dots) \\ \vdots \end{array} \right\} x-(ab \dots)$$

Возникающее такимъ образомъ понятіе, характеризуемое рядомъ, вѣрнѣе, сплетеніемъ (компликаціей) опредѣленій (признаковъ), называется сложнымъ понятіемъ, (получаемымъ дѣятельностью синтеза содержанія).

Черезъ обращеніе (Umkehrung) синтетического сужденія, т.-е. черезъ обратное разложеніе сложнаго понятія (комплекса признаковъ) на его единичныя признаки (анализъ содержанія), возникаетъ такъ называемое аналитическое сужденіе.

$$\text{Схема его: } x(ab \dots) \left\{ \begin{array}{l} x(a \dots) \\ x(b \dots) \\ \vdots \end{array} \right.$$

Напротивъ, если однимъ и тѣмъ же признакомъ, напр. a , опредѣляется сперва одно, потомъ другое данное, $x, y \dots$, то черезъ соединеніе такихъ различныхъ сужденій въ одномъ новомъ получается простая основная форма сужденія подчиненія:

$$\left. \begin{array}{l} x(a \dots) \\ y(a \dots) \\ \vdots \end{array} \right\} (x, y \dots)_a$$

схема эта изображаетъ объединеніе объема (синтезъ объема) подобно тому, какъ complicація изображала объединеніе содержанія (синтезъ содержанія). Синтезу объема противопоставляется дѣленіе объема, а синтезу содержанія—дѣленія содержанія. Черезъ комбинацію сужденія подчиненія съ синтетическимъ сужденіемъ получаютъ болѣе сложныя формы подчиненія подъ болѣе общія понятія, напр.:

$$\left. \begin{array}{l} x(abc) \\ y(abd) \\ z(acd) \end{array} \right\} (x, y, z) a$$

$$\left. \begin{array}{l} x(abc) \\ y(abd) \end{array} \right\} (x, y) ab$$

$$\left. \begin{array}{l} x(abc) \\ z(acd) \end{array} \right\} (x, z) ac$$

$$\left. \begin{array}{l} y(abd) \\ z(acd) \end{array} \right\} (y, z) ad$$

Здѣсь рядъ $x, y, z...$ означаетъ объемъ, а рядъ $a, b, c...$ —содержаніе сложнаго понятія; поэтому на основаніи этихъ формулъ могутъ быть представлены также и всѣ вообще отношенія между объемомъ и содержаніемъ (понятій). На основаніи этихъ отношеній, а главнымъ образомъ отношеній подчиненія понятій, становится яснымъ значеніе понятій подчиняющихъ, соподчиненныхъ и подчиненныхъ, тождественныхъ, равнозначущихъ, перекрещивающихся, разобщенныхъ и несоединимыхъ, а также дѣленіе понятій по родамъ и видамъ, равно какъ и правила опредѣленія, т.-е. важнѣйшія ученія школьной логики о понятіи (см. особенно Überweg-Meyer, System der Logik.).

§ 12. Количество сужденія и количественный синтезъ.

Исходя изъ основной функціи синтетическаго единства можно понять смыслъ количества и качества сужденія. Синтетическое единство есть единство многообразнаго, основывающееся на единствѣ той точки зрѣнія, съ которой это многообразное воспринимается и связывается. Многообразное, мыслимое только какъ таковое, представляетъ собою множество. Это послѣднее предполагаетъ единство въ смыслѣ единичности, потому что оно выражаетъ повторяющееся полаганіе одного, еще одного и т. д. Но этотъ рядъ полаганій, самъ по себѣ допускающій неопредѣленную продолжаемость, требуетъ соотвѣственно самой природѣ синтетическаго единства, какъ единства опредѣленія, завершенія въ нѣкоторомъ новомъ единствѣ. Такъ получается третій способъ количественнаго постиженія многообразнаго—(составная) общность (Allheit) или сумма, объединяющая многія единицы въ одномъ множествѣ. Этими тремя ступенямъ количественнаго синтеза (единичность, множество, общность въ смыслѣ суммы) соотвѣтствуютъ три рода сужденій: единичныя, множественныя и всеобщія (правильнѣе—суммативныя) сужденія.

Закономѣрная дѣятельность количественнаго синтеза получила совершенно своеобразное научное выраженіе въ числѣ, основывающемся на тѣхъ же трехъ моментахъ: на полаганіи численно единаго, на возможности неограниченнаго перехода отъ одного къ еще одному и т. д., т.-е. на не-

опредѣленномъ множествѣ и на образованіи замкну-
таго числа или опредѣленнаго множества. Но такъ
какъ дѣятельность счисления, состоящая въ получе-
ніи количества (Quantum) черезъ объединеніе мно-
гихъ единицъ въ одно множество, коренится въ основ-
ной функціи синтетическаго единства и только выра-
жаетъ самую эту функцію въ отношеніи количества
(т.-е. того многообразнаго, которое въ немъ под-
лежитъ объединенію), то эта дѣятельность нахо-
дится въ нашемъ распоряженіи не на одинъ или
на нѣсколько разъ, но разъ навсегда и, слѣдо-
вательно, представляетъ собой одинъ изъ безу-
словно основныхъ методовъ познанія. Это особенно
выражается въ безконечности и безконечной дѣ-
лимости числа. Но изъ этого способа выведенія числа
вытекаетъ въ то же время и его прерывность (дискрет-
ность числа), т.-е. невозможность мыслить переходъ
отъ количества (Quantum) къ количеству въ непре-
рывной связи, потому что именно указаннымъ спо-
собомъ, т. е. лишь черезъ суммированіе единствъ,
въ свою очередь заключающихъ въ себѣ множествен-
ность, происходитъ этотъ переходъ въ безконеч-
ность, другими словами — переходъ этотъ совер-
шается скачками, не непрерывно.

§ 13. Качество сужденія и качественный синтезъ.

Подобно тому, какъ количество основывается на
свойствѣ синтетическаго единства объединять много-
образное, такъ и качество имѣетъ своимъ основаніемъ
нѣкоторое единство многообразнаго, устанавливаемое

объединяющимъ умственнымъ взоромъ нашего ду-
ха. Непосредственнымъ выраженіемъ единства син-
теза по его качественному значенію служитъ поня-
тіе тождества. И именно постольку тождество есть
принципъ всякаго вообще сужденія, а не только
аналитическаго. Тождеству противостоитъ понятіе
различія. Оба эти понятія относятся другъ къ
другу въ области качества такъ же, какъ единство
и множество — въ области количества. *A* тожде-
ственно съ *B*, это значить, что *A* и *B* суть одно и
то же; *A* отлично отъ *B*, — что это два разныхъ
качества. Тождество и различіе выражаются также
въ утвердительномъ и въ отрицательномъ су-
жденіи: *A* есть *B*, *A* не есть *B*. Но подобно тому,
какъ въ области количества изъ объединенія
множества въ одномъ новомъ количественномъ
единствѣ возникаетъ сложная общность, такъ и въ
области качества изъ объединенія различнаго (т.-е.
качественно многоаго) въ нѣкоторомъ новомъ каче-
ственномъ единствѣ получается новая логическая
категорія, служащая основаніемъ единства различ-
ныхъ видовъ въ одномъ родѣ. Такъ родовое по-
нятіе треугольника не только количественно
обнимаетъ всю совокупность треугольниковъ, но
вмѣстѣ съ тѣмъ и качественно — всѣ виды треуголь-
никовъ, или вообще всевозможные треугольники,
какіе только существуютъ. На трехъ ступеняхъ
качественнаго синтеза основывается также и способъ
опредѣленія черезъ указаніе на родъ и видообразую-
щее отличіе. Равнымъ образомъ изъ законовъ каче-

ственного синтеза становится понятнымъ и значеніе противорѣчащей и противной противоположности.

Подобно количественному,—и качественный синтезъ можетъ охватывать въ нѣкоторомъ единствѣ не только всякую данную множественность, но и безконечность различій. Но въ отличіе отъ количественнаго, качественный синтезъ состоитъ не во внѣшнемъ только,— периферическомъ, но во внутреннемъ центральномъ объединеніи безконечнаго; онъ выражаетъ единство внутренней связи (Komprehension), а не простого складыванія (Komposition). Качественный синтезъ мыслится какъ источникъ или первоначальное основаніе, изъ котораго множественность качественныхъ различій неисчерпаемо поражается все вновь и вновь. Эта особенность качественного синтеза, въ силу необходимаго соотвѣтствія между количествомъ и качествомъ, находитъ себѣ выраженіе также и въ области величины, именно въ непрерывности. Последняя коренится, слѣдовательно, не въ одномъ количествѣ самомъ по себѣ, а во взаимоотношеніи количественнаго и качественного синтеза; но вслѣдствіе неустранимости этого взаимоотношенія она распространяется на количество вообще, слѣдовательно, также и на число, какъ общее выраженіе количества.

§ 14. Главныя формы умозаключенія. А. Непосредственное умозаключеніе.

На количественныхъ и качественныхъ отношеніяхъ сужденій основываются общія правила вы-

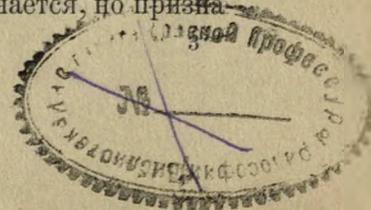
вода новыхъ сужденій изъ данныхъ, т.-е. правила умозаключеній. При этомъ непосредственными умозаключеніями называются такія, которыя выводятъ новое сужденіе изъ одного какого-нибудь даннаго сужденія, а посредственными—такія, гдѣ выводъ дѣлается изъ двухъ или большаго числа сужденій. При установленіи правилъ умозаключенія неизбежно возникаетъ вопросъ, являются ли сравниваемые сужденія по количеству общими, или частными, а по качеству—утвердительными, или отрицательными. Отсюда и получаются четыре класса сужденій: обще-утвердительныя (*a*), обще-отрицательныя (*e*), частно-утвердительныя (*i*) и частно-отрицательныя (*o*). Изъ нихъ:

1) обще-утв. съ частн.-отриц. (*a—o*),

2) обще-отр. съ частн.-утв. (*e—i*)
находятся въ отношеніи противорѣчія, т.-е. съ признаніемъ одного—другое всегда отрицается, съ отрицаніемъ одного—другое всегда признается, *tertium non datur*;

3) Обще-утв. съ обще-отриц. (*a—e*)
находятся въ отношеніи противной противоположности, т.-е. съ признаніемъ одного,—другое отрицается, но отрицаніемъ одного еще не признается другое, *tertium datur*;

4) частн.-утв. съ частн.-отриц. (*i—o*)
находятся въ отношеніи подпротивности, т.-е. съ отрицаніемъ одного,—другое признается, но призна-

ніемъ одного еще не отрицается другое. Изъ этихъ отношеній возникаетъ первый родъ непосредственнаго умозаключенія, заключеніе по противоположности (Opposition); при этомъ субъектъ даннаго сужденія повторяется въ качествѣ субъекта, а предикатъ—въ качествѣ предиката заключенія. Напротивъ, если понятіе субъекта и понятіе предиката мѣняются въ заключеніи своими ролями, то получается заключеніе черезъ обращеніе (Konversion). Такимъ образомъ въ порядкѣ обращенія:

1) изъ обще-утв. сужденія получается частн.-утв. ($a-i$),

2) изъ частн.-утв. сужденія получается частн.-отр. ($i-i$),

3) изъ обще-отриц. сужденія получается обще-отр. ($e-e$),

тогда какъ при частн.-отриц. сужденіи (o) обращеніе не приводитъ ни къ какому результату. Заключеніе по противопоставленію получается въ томъ случаѣ, когда кромѣ положительныхъ понятій даннаго сужденія принимаются во вниманіе и противоположныя имъ отрицательныя понятія. Основной случай ($a-e$) напр.: всѣ люди смертны, слѣдовательно, то, что не смертно, не есть человѣкъ.

§ 15. В. Силлогизмъ.

Виды посредственнаго умозаключенія составляютъ: 1. силлогизмъ, 2. индукція и 3. умозаключеніе по аналогіи.

Силлогизмъ заключаетъ отъ общаго къ частному, индукція—отъ частнаго къ общему, аналогія—отъ одного частнаго къ другому частному того же рода. Для простаго силлогизма, т.-е. такого, который изъ двухъ данныхъ сужденій (предшествующихъ положеній или посылокъ) выводитъ новое (выводъ или заключеніе),—требуется, 1. чтобы въ одной послылкѣ (propositio major, большая посылка) предикатъ, въ другой (propositio minor, меньшая посылка)—субъектъ вывода встрѣчались въ качествѣ субъекта или предиката, 2. чтобы другое понятіе въ обѣихъ послылкахъ было однимъ и тѣмъ же. Такъ какъ это понятіе служитъ посредствующимъ звеномъ для связи обоихъ понятій вывода, то оно называется среднимъ терминомъ (terminus medius). Если буквами S и P обозначить субъектъ и предикатъ вывода, а буквою M —средній терминъ, то большая посылка должна, слѣдовательно, содержать въ себѣ понятія P и M , а меньшая посылка—понятія S и M . Три понятія P , S и M называются элементами или терминами силлогизма. По ихъ положенію въ обѣихъ послылкахъ въ качествѣ субъекта или предиката различаютъ четыре фигуры силлогизма. Возможны, именно, четыре положенія:

I.	II.	III.	IV.
MP	PM	MP	PM
SM	SM	MS	MS
SP	SP	SP	SP

Въ предѣлахъ каждой фигуры умозаключеніе строится неодинаково въ зависимости отъ того, какую изъ четырехъ формъ: *a*, *e*, *i*, *o* имѣютъ посылки. Соответственно этому въ каждой фигурѣ силлогизма могло бы, собственно говоря, быть $4 \times 4 = 16$ комбинацій. Изъ нихъ многія однако отпадаютъ, такъ какъ 1. изъ однѣхъ только отрицательныхъ и однѣхъ только частныхъ посылокъ, равно какъ изъ частной большей посылки и отрицательной меньшей, никоимъ образомъ нельзя получить правильнаго заключенія, вслѣдствіе чего выпадаютъ уже восемь самихъ по себѣ возможныхъ комбинацій; 2. къ этому въ предѣлахъ отдѣльныхъ фигуръ присоединяются еще дальнѣйшія ограниченія. Среди остающихся и имѣющихъ значеніе умозаключеній самыми важными являются четыре способа умозаключенія или *Modi* первой фигуры, представляемые въ слѣдующемъ мнемоническомъ стихѣ:

(Primaе) Barbara Celarent Darii Ferioque,

гдѣ три гласныя всегда указываютъ на характеръ обѣихъ посылокъ и вывода. Изъ нихъ въ наукѣ чаще всего употребляется первый модусъ:

Всѣ *M* суть *P*

Всѣ *S* суть *M*

Всѣ *S* суть *P*,

единственная форма силлогизма, приводящая къ обще-утвердительному выводу, между тѣмъ какъ всѣ четыре модуса второй фигуры

Cesare Camestres Festino Barocco Secundae

даютъ лишь отрицательныя заключенія; всѣ шесть модусовъ третьей фигуры

Darapti Felapton Disamis Datisi Bocardo Ferison даютъ лишь частныя заключенія, и наконецъ пять малоупотребительныхъ и легко могущихъ быть избѣгнутыми модусовъ четвертой фигуры ведутъ только къ обще-отрицательнымъ, частно-утвердительнымъ или частно-отрицательнымъ выводамъ.

§ 16. Индукція и умозаключеніе по аналогіи.

Индукція заключаетъ отъ единичнаго или частнаго къ общему. Оправданіе такого умозаключенія нельзя дать, опираясь на чисто субъективную основу ассоціаціи, которая побуждаетъ насъ при сходныхъ условіяхъ ожидать и сходныхъ послѣдствій; дать такое оправданіе возможно лишь опираясь на логическую связь отдѣльныхъ данныхъ намъ случаевъ, опредѣляемую выраженіемъ какого-нибудь закона; это выраженіе и даетъ тогда большую посылку, которая,—если примѣнять ее все къ новымъ и новымъ отдѣльнымъ случаямъ, представляющимъ собою меньшія посылки,—приводитъ къ заключеніямъ, совпаденіе или несовпаденіе которыхъ съ завѣдомо установленными фактами служитъ пробнымъ камнемъ истинности большей посылки, принятой сначала лишь предварительно въ качествѣ „гипотезы“. Правда и эта провѣрка на фактахъ всегда остается незавершеною, однако здѣсь обнаружи-

ается лишь тотъ характеръ безконечности, который вообще присущъ опытному познанію. Индукція есть незавершимый процессъ, потому что таковъ вообще характеръ опыта. Уже въ такъ называемой полной индукціи, т. е. такой, которая на основаніи исчерпывающаго дѣленія всецѣло охватываетъ объемъ понятія, о которомъ въ выводѣ нѣчто высказывается всеобщимъ образомъ, — даже въ такой индукціи связываніе отдѣльныхъ данныхъ въ общее познаніе основывается не на простомъ суммированіи единичныхъ познаній, а на убѣжденіи въ тождественности того основанія, которое въ примѣненіи ко всѣмъ возможнымъ случаямъ приводитъ къ одному и тому же результату. Но точно такимъ же образомъ и неполная индукція, т. е. заключеніе отъ ограниченаго числа данныхъ случаевъ, для которыхъ установлено извѣстное тождественное отношеніе, ко всѣмъ однороднымъ случаямъ, является оправданной лишь постольку, поскольку закономерная связь искомагаго отношенія можетъ быть предположена на основаніи общихъ соображеній въ качествѣ имѣющей значеніе для всѣхъ мыслимыхъ случаевъ того же рода. Такимъ образомъ индукція всегда основывается на предположеніи нѣкоторой закономерной связи, каковое общее предположеніе и подлежитъ затѣмъ оправданію посредствомъ провѣрки на фактахъ. Но свое послѣднее основаніе такое предположеніе имѣетъ въ общихъ основоположеніяхъ возможнаго опыта вообще и прежде всего въ законѣ причинности (§ 21). Сами эти основоположенія,

напротивъ, уже не могутъ быть доказаны посредствомъ индукціи, а требуютъ совсѣмъ другого рода оправданія („трансцендентальной дедукціи“).

Умозаключеніе по аналогіи идетъ отъ частнаго не къ общему, но къ другому частному такого же рода. Оно не основывается на какомъ-либо новомъ принципѣ сравнительно съ индукціей и отличается отъ послѣдней лишь по формѣ результата, а не по существу своего основанія.

§ 17. Методъ научнаго познанія.

Изъ указанныхъ выше составныхъ частей слѣдуетъ методъ научнаго познанія. Основывается онъ главнымъ образомъ на доказательствѣ, т. е. на выводеніи посредствомъ умозаключенія истинности одного какого-нибудь положенія изъ ранѣе установленной истинности другихъ положеній. Доказательство есть поэтому главное средство для связыванія между собой отдѣльныхъ положеній въ единство научнаго цѣлаго или системы. Это связываніе происходитъ частью дедуктивно (синтетически, прогрессивно), частью индуктивно (аналитически, регрессивно). Синтетическій методъ шагъ за шагомъ конструктивно развиваетъ изъ наиболѣе простыхъ основныхъ истинъ истины болѣе сложнаго характера, между тѣмъ какъ аналитическій методъ сводитъ болѣе сложныя истины къ ихъ простѣйшимъ основаніямъ, или разлагаетъ ихъ на простыя истины. Чистѣйшій примѣръ синтетическаго или дедуктивнаго метода представляетъ матема-

тика въ ея извѣстныхъ отдѣлахъ, а также теоретическая механика. И даже тамъ, гдѣ (какъ это нерѣдко бываетъ и въ математикѣ) примѣняется регрессивный (аналитическій) методъ, послѣдній однако всегда имѣетъ въ виду построение (Konstruktion) на основаніи возможно болѣе простыхъ предположеній, какъ они формулируются въ аксіомахъ и опредѣленіяхъ. Въ противоположность математикѣ естественныя науки въ преобладающей своей части пользуются преимущественно индуктивнымъ, т. е. аналитическимъ методомъ. Процессы природы непосредственно доступны намъ большею частью лишь въ очень сложномъ видѣ, изъ котораго аналитическимъ путемъ еще только впервые требуется получить простую основную форму дѣйствій природы. Исходнымъ пунктомъ служатъ здѣсь поэтому не аксіомы и опредѣленія, но факты воспріятія, какъ они отчасти сами намъ навязываются, отчасти отыскиваются планомѣрнымъ наблюденіемъ или впервые создаются при помощи эксперимента; пріобрѣтенные такъ или иначе факты служатъ затѣмъ для провѣрки объясняющей теоріи, которая, предвосхищая законъ, выставляетъ его первоначально только какъ гипотезу. Цѣлью однако всегда является при этомъ дедуктивное развитіе фактовъ изъ закона. При завершеніи науки исчезла бы противоположность между дедуктивнымъ и индуктивнымъ методами и систематическое единство познанія, составляющее самую сущность науки, ясно выступило бы тогда и въ формѣ самого метода.

В. Основныя положенія теоріи познанія.

§ 18. Проблема предмета.

Познаніе есть понятіе и сужденіе о предметѣ (§ 9). Но опредѣлить, что такое предметъ, можно только, принимая во вниманіе его отношеніе къ основному закону познанія (§ 7). Основной законъ познанія есть законъ синтетическаго единства, т. е. опредѣленія того, что само въ себѣ неопредѣленно, подлежитъ безконечному опредѣленію, или, — что то же самое, — это есть законъ опредѣленія чувственно даннаго (§ 10). Но опредѣленіе того, что еще только должно быть опредѣлено, и есть познаніе того, что подлежитъ познанію, т. е. познаніе предмета. Опредѣлять то, что есть, значить познавать предметъ. Слѣдуетъ однако различать два значенія термина „предметъ“. Онъ можетъ обозначать 1. искомый, еще не познанный предметъ. Въ этомъ слыслѣ онъ совпадаетъ съ чувственно даннымъ, т. е. съ тѣмъ, что еще только подлежитъ опредѣленію, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже дано, какъ нѣчто = x . Или 2. онъ обозначаетъ познанный предметъ, слѣдовательно, уже достигнутое опредѣленіе чувственно даннаго въ понятіи и сужденіи, какъ такихъ формахъ, въ которыхъ предметъ только и можетъ быть мыслимъ. Соотвѣтственно этому, предметъ съ одной стороны, какъ только данный, основывается на чувственномъ матеріалѣ; съ другой стороны, какъ только мыслимый, — на интеллектуаль-

ной формѣ познанія (понятіи). Но такой только данный или только мыслимый предметъ становится познаннымъ предметомъ лишь черезъ взаимодействіе обоихъ факторовъ, формальнаго и матерьяльнаго, или интеллектуальнаго и чувственнаго. Однако матерію познанія никогда нельзя при этомъ всецѣло разрѣшить въ чистую форму, и, слѣдовательно, ни данный, ни мыслимый предметъ никогда не могутъ превратиться въ познанный предметъ безъ всякаго остатка; напротивъ, предметъ навсегда сохранить за собой значеніе задачи. Абсолютное опредѣленіе того, что подлежитъ опредѣленію, или, что то же, абсолютный предметъ („вещь въ себѣ“ — Канза) имѣетъ для нашего познанія лишь значеніе послѣдней границы, къ которой оно, правда, бесконечно приближается, но которой оно никогда не достигаетъ. При этомъ „вещь въ себѣ“ является однако лишь абсолютнымъ выраженіемъ задачи нашего познанія, а не какимъ-либо особеннымъ, самимъ по себѣ существующимъ предметомъ для какого-то познанія, отличнаго отъ нашего. Въ этомъ понятіи наше познаніе ограничивается не какъ въ чемъ-то, что противостоитъ ему, но лишь какъ въ своемъ собственномъ послѣднемъ законѣ.

§ 19. Основные законы чувственности. Пространство и время.

Познаніе предмета основывается (§ 18) на соотношеніи (Korrelation) чувственнаго и интеллектуальна-

го факторовъ. Чувственное содержаніе познанія было опредѣлено какъ послѣднее многообразное (т. е. какъ многое и различимое), которое должно быть охвачено въ единствѣ и тождествѣ понятія. Въ качествѣ многообразнаго оно прежде всего должно быть мыслимо какъ подлежащее анализу: количественному и качественному. Отсюда получилось у насъ (§ 10) понятіе ощущенія какъ элемента чувственно даннаго. Съ другой стороны, многообразное необходимо мыслить какъ способное къ соединенію. Но двумя первоначальными, общими и въ тоже время другъ отъ друга неотдѣлимыми способами непосредственной связи чувственно даннаго служить, какъ извѣстно, время и пространство. Они должны, слѣдовательно, быть первоначальной основой всякаго синтеза многообразнаго, и, значитъ, также всякаго понятія и всякаго познанія предметовъ. Они отличаются другъ отъ друга лишь по способу полаганія элементарныхъ содержаній въ сознаніи. Посредствомъ времени эти элементарныя содержанія сознанія полагаются внѣ другъ друга, каждый разъ какъ бы въ обособленномъ сознаніи; посредствомъ пространства, напротивъ, — рядомъ другъ съ другомъ, т. е. какъ связанные или находящіяся вмѣстѣ. Поэтому пространственное многообразіе нельзя сознать въ качествѣ многообразнаго (т. е. въ качествѣ раздѣльнаго) иначе, какъ черезъ посредство времени, и равнымъ образомъ временную послѣдовательность (длительность) нельзя представить себѣ въ видѣ связнаго цѣлаго иначе, какъ черезъ посредство

пространства. Указанное различіе во времени возможно лишь въ одномъ измѣреніи совершенно такъ же, какъ и первоначальная дѣятельность счисления, соотвѣтствующая этому различію въ качествахъ логической функціи; напротивъ, пространственная связь возможна въ нѣсколькихъ направленіяхъ, аналогично сложному числу. Внѣшняя и внутренняя безконечность пространства и времени служатъ основаніемъ для признанія ихъ за общіе, допускающіе безграничное примѣненіе способы дѣятельности сознанія въ полаганіи чувственного содержанія (познанія). Однако пространство и время не суть только формальныя функціи мышленія, но сохраняютъ непосредственное отношеніе къ чувственной матеріи. Въ качествахъ формъ данности каждая изъ нихъ (т. е. и пространство и время) существуетъ всегда только въ единственномъ числѣ, точно такъ же, какъ сама данность всегда можетъ быть мыслима только какъ одна данность, а не какъ множество (Кантовское понятіе „созерцанія“). При этомъ формы пространства и времени сохраняютъ самое непосредственное отношеніе къ ощущенію, поскольку оно есть то послѣднее, что подлежитъ опредѣленію, а онѣ (формы времени и пространства)—основныя способы опредѣляемости. Ощущеніе всегда обозначаетъ поэтому какой-нибудь данный въ пространствѣ и времени пунктъ („теперь“ и „здѣсь“), и съ другой стороны каждый такой временныи или пространственныи пунктъ, въ свою очередь, никогда не дается иначе, какъ черезъ ощу-

щеніе. Сами по себѣ время и пространство пусты, и безъ содержанія, которое даетъ имъ ощущеніе, они ничто. И тѣмъ не менѣе они не ощущенія, а способы распорядка или роды полаганія ощущеній. Они обладаютъ, слѣдовательно, одновременно и чувственной и формальной природой и потому составляютъ посредствующее звено между ощущеніемъ и функціей понятія, какъ чисто формальнаго фактора познанія.

§ 20. Объективированіе чувственного матеріала сообразно основнымъ законамъ количества и качества.

1. Количество. Многообразное чувственного содержанія, мыслимое только какъ многообразное, создаетъ условіе для усвоенія его (§ 12) посредствомъ основнаго понятія количества въ трехъ послѣдовательныхъ ступеняхъ его: единичности, множественности и общности (сложнаго единства или суммы). Поэтому все чувственное, какъ данное въ „созерцаніи“ (т. е. во времени и пространствѣ), необходимо должно быть объективировано какъ величина, и, наоборотъ, величина, какъ нѣчто предметное, необходимо должна быть представлена въ созерцаніи, т. е. не просто въ абстрактномъ числѣ, а въ пространствѣ и во времени (первое основоположеніе Канта). Согласно этому основоположенію чистыя понятія величинъ въ математикѣ, въ которыхъ наше мышленіе прежде всего систематически развиваетъ лишь образъ дѣйствія

(Denkverfahren) количественнаго синтеза, находятъ самое точное примѣненіе ко всему, что дано или только когда-нибудь можетъ быть дано въ пространствѣ и времени. Этимъ обезпечивается строгое объективное значеніе первой науки: математики (поскольку ея опредѣленія чисто количественныя, смотр. ниже 2). Правда, данное въ чувственномъ созерцаніи подчиняется чистымъ понятіямъ математики всегда лишь условно, однако обращеніе съ этими понятіями остается тѣмъ не менѣе вполне точнымъ и въ своей строгой точности не перестаетъ быть масштабомъ для объективирования всего чувственно даннаго. Но чтобы было возможно безпредѣльное приспособленіе этихъ понятій къ безконечной опредѣляемости чувственно даннаго, необходимо, чтобы самый способъ обращенія мысли съ этими понятіями допускалъ безпредѣльное развитіе, что въ дѣйствительности и оправдывается на понятіяхъ математическаго безконечнаго. Понятія пространственныхъ и временныхъ величинъ именно поэтому всегда относительны, но какъ разъ въ этой своей относительности они и удовлетворяютъ требованіямъ опыта, какъ такого рода познанія, предметность котораго сама лишь относительна.

2. Качество. Если въ количествѣ объективируется прежде всего „созерцаніе“, то въ качествѣ объективированію подвергается ощущеніе. Въ самомъ дѣлѣ, ощущеніе выражаетъ не только данное мѣсто въ пространствѣ и времени, но также

содержаніе, его наполняющее, — нѣчто, что занимаетъ или наполняетъ пространство и время, т.-е. нѣчто „реальное“. Но образъ дѣйствія мысли, которымъ нѣчто полагается и въ этомъ полаганіи не только отличается отъ другого, но и вновь объединяется съ нимъ въ нѣкоторомъ единствѣ („компрегенсивномъ“ или родовомъ единствѣ), и есть функція качества (§ 13). Для качества не существуетъ особеннаго математическаго выраженія, соотвѣтственно числу, какъ выраженію количества, но зато тотъ образъ дѣйствія мышленія, выраженіемъ котораго является число, самъ способенъ испытывать такое расширеніе и углубленіе, что онъ одновременно дѣлается пригоднымъ и для выраженія качества. Въ самомъ дѣлѣ, уже для того, чтобы опредѣлить простое качество ощущенія (Qualie), нѣтъ никакого другого способа, кромѣ расположенія ощущеній въ рядъ и различенія мѣстъ въ этомъ ряду, т.-е. счисленія. Примѣненное такимъ образомъ къ качеству число — называется „степеню“. Но качество есть именно то, что — первоначально и лежитъ въ основаніи; никакое счисленіе не было бы возможно безъ счисляемаго, т.-е. подлежащаго качественному различенію. Однако измѣряется качество только черезъ посредство количества. Качество не обосновываетъ, слѣдовательно, какой-либо новой науки наряду и въ соотвѣтствіи съ математикой, но, вслѣдствіе неустранимаго соотвѣтствія между качествомъ и количествомъ, оно служитъ обоснованіемъ самой математики не только въ ея примѣнимости къ простран-

ству и времени, какъ чистымъ формамъ созерцанія, но и къ тому, что составляетъ содержаніе пространства и времени. Качество обосновываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ основное свойство математической величины, которое не можетъ быть понято на основаніи одного только количества, именно „непрерывность“ (срав. § 13); болѣе того, оно вообще впервые обосновываетъ самое понятіе „величины“, какъ чего-то, относительно чего высказываются различныя „величины“ (Das So-und-so-gross, количество), но что остается несмотря на всѣ эти измѣнчивыя опредѣленія всегда тѣмъ же самымъ („перемѣнная“ величина); что какъ бы выражаетъ родъ, видоизмѣняющійся въ единичныя дискретныя величины. (У Канта эта какъ бы выражающая родъ величина называется интенсивной, а единичныя дискретныя величины—экстенсивными; въ математикѣ величина перваго рода называется бесконечно малой (infinitesimale), а величины втораго рода—конечными.—Второе основоположеніе Канта).

§ 21. Установленіе предмета опыта согласно основнымъ законамъ динамической связи.

Если предметъ съ точки зрѣнія качества и количества и мыслится черезъ синтезъ, непосредственно распространяющійся на чувственное созерцаніе, то онъ еще не является тѣмъ самымъ познаннымъ какъ предметъ опыта, т. - е. этимъ еще не обосновано опредѣленное отношеніе пред-

метовъ между собою въ единомъ опытѣ, единомъ времени и единомъ пространствѣ. Безъ опредѣленія этого отношенія предметъ можетъ одинаково быть и призракомъ и подлинной дѣйствительностью (Wahrheit). Условіемъ эмпирической дѣйствительности является сплошная закономерная связь явленій. Связь эта основана на особаго рода синтезѣ, который простирается не непосредственно на данное въ созерцаніи, но на синтезы, совершенные уже непосредственно въ этомъ данномъ. Отсюда происходитъ новый классъ основныхъ понятій, именно понятія „отношенія“ (Кантъ) или динамической связи. Понятія эти обосновываютъ отношенія 1.—устойчиваго и измѣнчиваго (субстанція и акциденція), 2.—зависимости одного измѣненія отъ другаго (причина и дѣйствіе), 3.—взаимной зависимости (динамическая общность).

1. Синтезъ явленій съ точки зрѣнія отношенія субстанціи и акциденціи основанъ на томъ, что въ послѣдовательномъ ряду явленій во времени необходимо представляется съ одной стороны—устойчивость, съ другой—измѣненіе, и такъ какъ нѣчто устойчивое можетъ быть познано только на основаніи измѣнчиваго, измѣненіе же—только на основаніи чего-нибудь устойчиваго, то оба эти понятія соединяются вмѣстѣ въ представленіи одного и того же предмета, который съ одной стороны (съ точки зрѣнія субстанціи)—пребываетъ неизмѣннымъ, съ другой (въ акциденціяхъ)—подлежитъ измѣненію. Въ самомъ дѣлѣ, если бы то,

что подвергается измѣненію, не оставалось однимъ и тѣмъ же (предметомъ), и, слѣдовательно, не было бы чѣмъ то устойчивымъ,—то и измѣненіе нельзя было бы мыслить какъ одинъ процессъ (Vorgang). Удержаніе тождественнаго субъекта во всякомъ совершающемся измѣненіи есть поэтому первое условіе объективнаго закрѣпленія самого „становленія“ (Geschehen) и, значитъ,—объективнаго опредѣленія во времени явленій вообще, такъ какъ теченіе времени само можетъ быть объективно представлено лишь на основаніи какого-либо однообразнаго становленія. Но это въ свою очередь необходимо предполагаетъ отношеніе явленій къ единому лежащему въ ихъ основѣ пространству. Время и пространство объединяются въ понятіи движенія, которое представляетъ поэтому основную форму измѣненія въ природѣ. При этомъ въ основаніе всякаго вообще движенія необходимо положить равномерное прямолинейное движеніе въ качествѣ той послѣдней мѣры, къ которой должны быть сведены всѣ измѣненія въ природѣ.

2. Синтезъ явленій съ точки зрѣнія отношенія причины и дѣйствія основанъ на томъ, что множество событій необходимо поставляется мышленіемъ въ такое отношеніе между собою, что каждое измѣненіе въ одномъ ряду становящихся событій мыслится какъ такое, которое отъ момента къ моменту опредѣляется соответствующимъ измѣненіемъ въ другомъ ряду. Только благодаря этому различные параллельные ряды измѣненій могутъ

въ общемъ временномъ рядѣ и въ общемъ пространствѣ получить опредѣленное мѣсто и такимъ образомъ существовать вмѣстѣ въ одномъ „опытѣ“. На этомъ и основывается обосновывающее опыту понятіе „закона природы“.

3. Но только благодаря тому, что всѣ параллельные ряды измѣненій такимъ образомъ взаимно опредѣляютъ другъ друга отъ звена къ звену, единство опыта дѣлается совершеннымъ и какъ бы замкнутымъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже и существуя во времени рядомъ другъ съ другомъ (сосуществуя), явленія не могутъ однако оставаться другъ отъ друга изолированными, но требуютъ извѣстнаго соединенія, которое опредѣляло бы взаимную связь одновременно возникающихъ событій какъ закономерную и тѣмъ самымъ имѣющую объективное значеніе. Связь эта устанавливается посредствомъ мысли о постоянной взаимной зависимости субстанцій, въ силу которой каждая субстанція на протяженіи всего ряда своихъ измѣненій мыслится какъ опредѣляющая другія субстанціи и въ то же время какъ опредѣленная ими (взаимодѣйствіе или динамическая общность). Благодаря этому даже дѣйствующія силы, остающіяся еще въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отношеніяхъ причинной зависимости обособленными другъ отъ друга, объединяются въ представленіи единой общей субстанціи, подчиненной единой общей системѣ причиненія. Такъ въ полной мѣрѣ и методически становится возможнымъ единство общаго предмета (Gesamtgegenstand)

во времени и пространствѣ и тѣмъ самымъ единство опыта или „природы“, и оказывается достигнутой та высшая точка, въ которой стремятся соединиться всѣ отдѣльныя порожденія синтетической функціи.

§ 22. Идея безусловнаго въ теоретическомъ и практическомъ значеніи. Идеализмъ критики познанія какъ предположеніе этического идеализма.

Посредствомъ построенія системы основныхъ функцій синтеза (§§ 20—21) въ ихъ отношеніи къ тому, что дано въ пространствѣ и времени (§ 19), — осуществляется требованіе (§§ 1 и 7) раскрыть единство познанія, (прежде всего теоретическаго), — какъ такое, которое обосновано въ присущемъ самому познанію внутреннемъ законѣ его. Однако постольку это единство ограничивалось бы только теоретическимъ познаніемъ („опытомъ“). Но и по отношенію къ опыту оно не представляетъ собой абсолютнаго завершенія, а выражаетъ лишь единство направленія въ прогрессивномъ движеніи мысли по безконечному пути познанія. Между тѣмъ вопросъ о безусловномъ предметѣ познанія не можетъ быть вполне устраненъ даже въ области чистой теоріи. Идея безусловнаго и для этой области сохраняетъ значеніе по меньшей мѣрѣ предѣльной точки зрѣнія при всякомъ обсужденіи той степени истинности, которой можетъ достигать наше всегда эмпирическое и, слѣдовательно, обусловленное познаніе предметовъ (пограничное понятіе „вещи въ себѣ“,

сравн. § 18). Но въ практической области уже совсѣмъ невозможно обойтись безъ идеи безусловнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если въ теоретической области она имѣетъ лишь критическое значеніе, то здѣсь она обнаруживаетъ притязаніе на положительную цѣнность: нравственно-доброе мыслится какъ безусловно долженствующее быть. Тѣмъ болѣе необходимо твердо установить значеніе, принадлежащее этой идеѣ, и поставить ее въ прочную связь съ основными законами опыта. Первымъ основаніемъ для этого служить общее предположеніе критическаго идеализма, по которому всякая истина должна и можетъ быть обоснована единственно только въ присущихъ самому познанію понятіяхъ и идеяхъ. Соотвѣтственно этому и то и другое: чисто теоретическое значеніе опытныхъ законовъ и практическое значеніе идеи безусловнаго должны найти свое обоснованіе въ послѣднемъ законѣ познающаго сознанія, и въ этомъ же законѣ должно найти свое окончательное разрѣшеніе также и то противорѣчіе, которое какъ будто возникаетъ между обоими родами познанія (поскольку практической законъ выходитъ, повидимому, за предѣлы ограниченнаго человѣческаго опыта). Поэтому критическое обоснованіе практической философіи, или этики, составляетъ необходимое дополненіе къ критической теоріи познанія.

III. Основные начала этики.

А. Чистая этика.

§ 23. Проблема этики.

116
Линия

Этикой называется теория нравственности. Подъ нравственностью мы понимаемъ ту законѣрность волевыхъ поступковъ, съ точки зрѣнія которой мы судимъ, что то, чего мы хотимъ, является безусловно хорошимъ, т.-е. безусловно должно быть, или же наоборотъ безусловно не должно быть. Если такимъ образомъ нравственное отождествляется съ хорошимъ, то подъ послѣднимъ не слѣдуетъ понимать того, что лишь чисто условно и по отношенію къ чему-нибудь другому является хорошимъ или пригоднымъ, а то, что должно быть само по себѣ, независимо отъ какой-либо другой уже заранѣе предполагаемой цѣли. Нравственное, слѣдовательно, тождественно съ конечной цѣлью, которой въ качествѣ простыхъ средствъ должны быть подчинены всѣ частныя цѣли, или—съ тѣмъ, что не просто полезно для чего-нибудь другого,

по/ для чего полезно все остальное, что только можетъ быть полезно; другими словами, оно тождественно съ тѣмъ, что имѣетъ цѣнность само по себѣ, а не просто для чего-нибудь, или для кого-нибудь, т.-е. что само представляетъ собою цѣнность. Но познать такъ понятое нравственное возможно лишь въ томъ требованіи, которое представляется нашимъ собственнымъ послѣднимъ закономъ хотѣнія, каковой законъ подобно закону теоретической истины можетъ найти свое послѣднее обоснованіе не въ чемъ-либо эмпирическомъ, но только въ первоначальномъ единствѣ самосознанія—здѣсь практическаго, подобно тому, какъ тамъ—теоретическаго. Поэтому законъ добра не можетъ основываться на принужденіи чуждой и виѣшней по отношенію къ волѣ власти (гетерономія), но долженъ имѣть свой источникъ въ собственномъ внутреннемъ законѣ самого хотѣнія или практическаго сознанія (автономія).

§ 24. Этический позитивизмъ.

Всякій споръ о принципахъ въ области этики можно свести къ основной противоположности между этическимъ позитивизмомъ и идеализмомъ. Первый стремится опереться исключительно на позитивную основу непосредственно переживаемыхъ фактовъ, придавая всему, что дано только черезъ идеальныя связи, значеніе лишь постольку, поскольку оно (т. е. это идеальное) указываетъ на факты

непосредственного опыта и въ нихъ находить свое удостовѣреніе. Но послѣдній фактъ для практическаго сознанія составляютъ непосредственно ощущаемыя, данныя въ настоящій моментъ удовольствіе и неудовольствіе и соответствующее имъ положительное, или отрицательное желаніе. Напротивъ, все, что руководить нами не въ формѣ непосредственно переживаемаго чувства, должно имѣть право на практическое значеніе лишь постольку, поскольку оно соединяется ассоціативной связью съ какимъ-либо въ настоящій моментъ даннымъ переживаніемъ и такимъ образомъ какъ бы проникаетъ въ послѣднее. Въ самомъ дѣлѣ, лишь въ такомъ случаѣ оно можетъ быть предметомъ живого интереса, между тѣмъ какъ то, съ чѣмъ не связанъ никакой доступный эмоціональному переживанію интересъ, — не можетъ и опредѣлять волю, слѣдовательно, не можетъ быть для нея и закономъ. Но среди многообразныхъ и борющихся между собой интересовъ, дѣйствующихъ одновременно въ насъ, или посредственно или непосредственно, всегда долженъ господствовать одинъ, утверждающій себя благодаря своему преобладающему значенію въ борьбѣ интересовъ, особенно если онъ беретъ верхъ не только въ отдѣльномъ случаѣ, а вообще обнаруживаетъ силу — пріобрѣтаетъ извѣстное значеніе въ жизни индивидуума и особенно въ данной общественной средѣ. На немъ именно и основываются, — согласно этой теоріи, — нравственныя нормы. Послѣднія возникаютъ, слѣ-

довательно, въ силу того, что извѣстные общераспространенныя интересы, являясь по самой своей природѣ наиболѣе сильными, если и не всегда въ дѣйствительномъ хотѣніи, то по крайней мѣрѣ въ представленіи всѣхъ людей или господствующаго большинства, принимаютъ форму заповѣдей, все болѣе и болѣе укрѣпляются благодаря многообразнымъ средствамъ воспитанія, общественнаго мнѣнія и законодательства и такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, становятся способными не только опредѣлять внѣшнее поведение людей, но даже дѣлаются ихъ собственными убѣжденіями.

Эта теорія, рассматривающая нравственное какъ общественный продуктъ, (зависящій благодаря своему общественному характеру отъ той или иной высоты общественнаго развитія и измѣняющійся вмѣстѣ съ развитіемъ самого общества), уже съ самаго начала является неприемлемой, разъ только въ качествѣ основного предположенія допускается, что добро должно быть добромъ само по себѣ и оставаться по самому существу своему неизмѣннымъ, точно такъ же, какъ дурное — дурнымъ. Нужно будетъ признать, поэтому, что хотя опредѣленное выраженіе конкретныхъ нравственныхъ требованій и есть несомнѣнный фактъ, подлежащій развитію, однако должна существовать и нѣкоторая первоначальная, неустранимая основа, къ которой, въ концѣ концовъ, должно сводиться всякое доказательство нравственнаго. Лишь при такомъ взглядѣ нравственное можетъ стать предметомъ свободнаго

убѣжденія, основаннаго на единомъ принципѣ, а не предметомъ простаго, по существу своему непонятнаго принужденія внѣшними фактами. Этотъ взглядъ и есть предположеніе этического идеализма, самымъ чистымъ выраженіемъ котораго является этика Канта.

§ 25. Этической идеализмъ.

Прекраснымъ выраженіемъ этого требованія обосновать истинность практическаго познанія является понятіе „практической разумъ“. Такое познаніе нельзя почерпнуть изъ простаго хотя бы и весьма часто повторявшагося и въ своихъ показаніяхъ согласнаго опыта о томъ, что фактически обыкновенно опредѣляетъ человѣческое хотѣніе, такъ какъ вопросъ ставится здѣсь какъ разъ о самой правомѣрности или неправомѣрности этого фактическаго хотѣнія. Кромѣ того, чистыя понятія нравственности безспорно представляютъ собой абстракціи отъ того, чѣмъ опредѣляется въ контекстѣ опыта наша воля, и содержатъ въ себѣ указаніе на нѣчто, что можетъ быть достигнуто только мыслью, именно на идею добра, которую нельзя получить изъ какого-нибудь эмпирическаго примѣра, но которая напротивъ должна служить первоначальнымъ основаніемъ всякаго практическаго обсужденія и оцѣнки эмпирическаго хотѣнія и поведенія. Чистое добро мыслится какъ нѣчто, имѣющее значеніе само по себѣ, независимо отъ

эмпирическаго ограниченія или условія, т.-е. какъ неизмѣнное добро; но какъ таковое оно вообще не можетъ быть дано посредствомъ опыта. Въ особенности значеніе такого чистаго добра нельзя вывести изъ полезныхъ или вредныхъ съ точки зрѣнія опыта послѣдствій нашихъ поступковъ, потому что такимъ путемъ не могла бы быть обоснована безусловная всеобщность практическаго закона; скорѣе наоборотъ — только съ точки зрѣнія нравственнаго закона можно впервые опредѣлить, въ чемъ заключается истинное благо человѣка. Такимъ образомъ основанія должнаго, или основанія того, почему добро есть добро, — остается искать лишь въ самой волѣ и въ ея собственномъ внутреннемъ законѣ, распространяя только слѣдствія этого основанія (т.-е. внутренняго закона воли) на внѣшнее поведеніе и его результаты.

§ 26. Главныя положенія чистой этики.

На основаніи изложеннаго принципа непосредственно выводятся слѣдующія главныя положенія чистой этики (по сочиненію Канта „Основы для метафизики нравовъ“):

1. Кромѣ доброй воли нѣтъ ничего, что можно было бы безусловно, безъ всякихъ ограниченій, называть добромъ. Въ самомъ дѣлѣ только она одна является добромъ не ради какой-нибудь другой, уже заранѣе предположенной цѣли, а непосредственно, сама по себѣ.

2. Нравственно добрымъ называется не то дѣйствіе, которое просто лишь сообразно съ долгомъ, а только то, которое совершается на основаніи долга, т.-е. изъ чистаго сознанія нравственнаго закона.

3. Воля, правда, всегда имѣетъ матерію, т.-е. она всегда относится къ чему-нибудь внѣшнему, что въ качествѣ цѣли подлежитъ осуществленію. Однако воля, поскольку она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ практическаго сознанія, содержитъ кромѣ этого еще и формальный факторъ, — именно отношеніе того или иного отдѣльнаго предмета хотѣнія къ общему закону хотѣнія. Слѣдовательно, существенное отличіе нравственнаго хотѣнія можетъ заключаться только въ формѣ всеобщей законности, а не въ какой-нибудь отдѣльной матеріи.

4. На этомъ основывается формула „категорическаго императива“ (т.-е. безусловнаго повелѣнія) нравственности: „Поступай такъ, чтобы максима (опредѣляющее правило) твоей воли всегда могла въ то же время имѣть значеніе принципа всеобщаго законодательства“.

5. Такъ какъ кромѣ доброй воли нѣтъ ничего, что бы первоначально и само по себѣ было добромъ (положеніе I), то отсюда вытекаетъ также, что кромѣ нравственной воли личности ничто другое не можетъ быть конечной цѣлью и содержаніемъ нравственнаго закона. Поскольку воля человѣка опредѣляется нравственнымъ закономъ, она признаетъ себя независимой отъ всякаго принужденія со стороны желаній (Zwang der Begierade), — подчиненной лишь

своему собственному внутреннему закону, т.-е. автономной (срав. § 23). На этомъ именно и основывается ни съ чѣмъ не сравнимое достоинство нравственной личности, которое лишь ее одну дѣлаетъ настоящимъ объектомъ нравственной воли и навсегда запрещаетъ разсматривать ее какъ только средство, требуя, чтобы она всегда въ то же время разсматривалась и какъ самоцѣль.

§ 27. Дедукція основнаго нравственнаго закона.

Послѣднее обоснованіе формулированнаго въ этихъ положеніяхъ законодательства нравственной воли основывается на идеѣ свободы. Идея эта не утверждаетъ, что воля человѣка, разсматриваемая какъ явленіе во времени, представляетъ исключеніе изъ основнаго закона причинности, имѣющаго всеобщее значеніе для всего, что только совершается во времени; она утверждаетъ лишь, что мы способны опредѣлять нашу волю идеей безусловнаго закона, т.-е. что мы можемъ сознать въ отношеніи себя безусловное долженствованіе, какъ бы при этомъ ни были обусловлены естественными законами наше эмпирическое хотѣніе и наши дѣйствія. Но безусловное, въ качествѣ высшей точки зрѣнія обсужденія, допустимо и необходимо въ практической области точно такъ же и въ силу тѣхъ же основаній, какъ и въ теоретической области (§ 22). Разсмотрѣніе волевого дѣйствія съ точки зрѣнія безусловно „дол-

женствующаго быть“ можно безъ всякаго противорѣчія соединить съ признаніемъ его обусловленности естественными законами, такъ какъ безусловность непосредственно относится только къ долженствованію, а хотѣнія касается лишь постольку, поскольку самое сознаніе долга уже заключаетъ въ себѣ утвержденіе должнаго собственной волей. Такъ какъ, слѣдовательно, мы необходимо оцѣниваемъ наше многообразно обусловленное фактическое хотѣніе съ точки зрѣнія безусловнаго закона, а этотъ послѣдній сознается нами все-таки какъ собственный послѣдній законъ самой воли, то мы необходимо рассматриваемъ нашу волю въ одно и то же время съ двухъ точекъ зрѣнія, съ одной стороны—какъ дающую себѣ самой законъ (автономную) и постольку свободную, съ другой, — съ точки зрѣнія эмпирическаго представленія о ней,—какъ подчиненную естественному закону. Но для насъ вполне достаточно только мыслить наше хотѣніе автономнымъ, для того чтобы именно благодаря этому признать самихъ себя подчиненными безусловному закону нравственности. И мысль эта не остается безъ пракческаго примѣненія, такъ какъ только на основаніи ея мы рассматриваемъ наше поведеніе какъ нравственно доброе или недоброе, должное или не должное и придаемъ такой оцѣнкѣ въ сознаніи нашемъ реальное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ не лишены также способности согласовать съ этимъ сужденіемъ наше поведеніе. Въ силу этой дедукціи идеализмъ этики получаетъ оправданіе

на основаніи того же самаго принципа, какъ и идеализмъ критики познанія, и притомъ въ совершенномъ согласіи съ этимъ послѣднимъ.

В. Конкретная этика.

§ 28. Ступени активности: влеченіе, воля и практический разумъ.

Послѣ того, какъ формальный принципъ пракческаго сознанія установленъ, поднимается вопросъ: какова та матерія, къ которой его слѣдуетъ примѣнять, и какимъ образомъ должно происходить это примѣненіе. Матеріей этой является опытъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякое долженствованіе направлено на бытіе, всякая воля—на осуществленіе. Но никакая другая дѣйствительность кромѣ той, которая представляется въ опытѣ, для насъ не доступна и, слѣдовательно, не можетъ быть также и матеріей нашего хотѣнія. Необходимо, поэтому, указать опредѣленную связь между закономъ идеи и законами опыта. Лишь при этомъ условіи законы чистой этики могутъ служить основаніемъ для второй обширной области науки,—той именно, которую составляетъ наука о культурѣ (соціологія и исторія). Дѣйствительно, уже въ построении самого опыта содержится общій моментъ тенденціи, стремленія или направленія сознанія отъ даннаго къ

неданному. Этотъ моментъ вообще проникаетъ все сознание, какъ и весь ходъ и движеніе представленій, и является дѣйствительнымъ основаніемъ того, почему и теоретическое представленіе и познаніе сознаются нами какъ наша собственная дѣятельность; и въ то же время онъ вообще отличаетъ активную сторону познанія отъ чисто спекулятивной. Самая низкая степень активности есть чувственная активность, или влеченіе,—та степень стремленія, на которой оно не свободно, т.-е. еще совершенно захвачено или поработчено объектомъ, непосредственно представляющимся чувствамъ. Въ силу одного этого еще нельзя однако пренебрегать чувственнымъ влеченіемъ, какъ таковымъ. Нравственная сила воли зависитъ также и отъ здоровой энергіи физической жизни. Всякая человѣческая работа требуетъ привязанности къ предмету, которая невозможна безъ энергіи влеченія, съ полной силой направленной на него и какъ бы на нѣкоторое время въ него всецѣло переходящей. Вторая степень есть активность хотѣнія въ строгомъ смыслѣ этого слова, которое уже не связано всецѣло представляющимся ему всякій разъ объектомъ, а стоитъ надъ нимъ, сравнивая, выбирая, принимая, или отклоняя его,—т.-е. не просто и слѣпо повинуется влеченію, но повелѣваетъ, не ждетъ отъ объекта опредѣленія своего направленія, а напротивъ само опредѣляетъ объектъ. Такимъ дѣйствіемъ воли является уже само практическое сужденіе, твердое рѣшеніе за или противъ. Свободная отъ сомнѣній

опредѣленность волевого рѣшенія есть въ то же время первое условіе энергіи или дѣятельной силы, благодаря которымъ связанныя съ этимъ рѣшеніемъ физическія силы (Tribekräfte) устремляются въ направленіи, избранномъ практическимъ сужденіемъ. Отъ воли вообще отличается въ качествѣ третьей ступени разумная воля или практической разумъ. Ея особенность заключается въ томъ, что она всякій выборъ между эмпирическими объектами волевой дѣятельности направляетъ къ единой конечной цѣли, и такимъ образомъ всякое практическое сужденіе обосновываетъ на одномъ послѣднемъ принципѣ, который не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ принципомъ полного соответствія воли съ самой собой, осуществляющагося благодаря строгому подчиненію всякаго частнаго рѣшенія воли—объективно общеобязательному закону хотѣнія. Разумная воля тождественна, слѣдовательно, съ нравственной волей, т.-е. съ той, для которой опредѣляющимъ основаніемъ служить не какой-нибудь эмпирической предметъ (матерія), но чистый формальный законъ хотѣнія (согласіе воли съ самой собой съ точки зрѣнія общеобязательной нормы) (сравн. § 26, 3. 4). Эмпирическая задача практическаго разума состоитъ поэтому въ организаціи всего міра воли, т.-е. въ созданіи въ немъ гармоническаго единства черезъ выясненіе отношенія всѣхъ частныхъ рѣшеній воли къ одной и той же послѣдней цѣли: къ идеѣ добра или безусловнаго закона.

§ 29. Нравственность индивидуума и нравственность въ жизни общества.

Изъ представленныхъ условій конкретной нравственности слѣдуетъ, что въ цѣляхъ какого бы то ни было вообще. человѣческаго блага человѣкъ является съ одной стороны наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ средствъ, такъ какъ лишь онъ одинъ не только распоряжается извѣстными физическими силами (Triebkräfte) въ интересахъ осуществленія какой-нибудь нравственной или внѣнравственной цѣли, но имѣетъ также волю, которая въ состояніи направлять эти силы и такимъ образомъ подчинять ихъ заранѣе поставленной цѣли; съ другой же стороны, — что именно поэтому все сводится къ свободному самоопредѣленію индивидуума, руководимаго идеей нравственнаго, какъ цѣли — самой по себѣ, къ которой въ области нашего опыта опять таки способенъ только человѣкъ. Но каждая изъ этихъ способностей человѣка развивается и получаетъ извѣстную форму только въ человѣческомъ общеніи и черезъ него. Самосознаніе человѣка вообще развивается лишь черезъ противопоставленіе чужому сознанию и въ то же время черезъ положительное отношеніе его къ сознанию другихъ людей. Самосознаніе это первоначально имѣетъ въ равной мѣрѣ и практической и теоретической характеръ; на немъ одинаково основывается какъ общеніе въ области хотѣнія, такъ и общеніе въ познаніи. Распространяясь на формальную сторону

воли, именно на отношеніе отдѣльныхъ рѣшеній воли къ идеѣ безусловно-всеобщаго закона, это общеніе впервые фактически обосновываетъ также и нравственную свободу индивидуума. Но даже и цѣль нравственной воли заключается въ концѣ концовъ не въ изолированномъ индивидуумѣ, а въ общеніи (Кантовское «царство цѣлей»), въ которомъ однако индивидуумъ не уничтожается, а напротивъ, въ немъ только и можетъ вообще существовать какъ нравственный индивидуумъ. Отсюда получается двоякое значеніе нравственности: съ одной стороны — индивидуальное, съ другой — социальное. Индивидуальная этика должна постольку занимать первое мѣсто, поскольку основныя отношенія нравственнаго, принципиально тождественныя для индивидуума и общества, несравненно легче могутъ быть показаны на индивидуумѣ и уже потомъ по аналогіи перенесены на общество, чѣмъ наоборотъ. Въ обоихъ указанныхъ направленіяхъ задача конкретной этики состоитъ въ томъ, чтобы ближе опредѣлить идею нравственнаго, какъ въ отношеніи къ тремъ ступенямъ активности, такъ и въ связи съ только что выясненнымъ отношеніемъ между индивидуумомъ и обществомъ. Такимъ именно путемъ Платонъ достигъ своей системы основныхъ (или кардинальныхъ) индивидуальныхъ добродѣтелей и соотвѣтствующихъ имъ добродѣтелей социальной жизни. Къ этому изложенію системы конкретной этики, преимущественно въ цѣляхъ объясненія развитія человѣческаго общенія,

должна привзойти однако, въ качествѣ „регулятивнаго принципа“, также уже получившая теперь болѣе опредѣленную форму идея нравственнаго, что Платономъ совсѣмъ не было сдѣлано, и что Кантъ только намѣтилъ въ основной мысли, но не провелъ до конца.

§ 30. Система индивидуальныхъ добродѣтелей.

1. Правда.

Непосредственно изъ верховнаго принципа нравственности вытекаетъ добродѣтель правды. Въ качествѣ добродѣтели, основанной непосредственно на образѣ мыслей или практическомъ сознаніи, правда выражаетъ въ человѣкѣ господство разума, обращающаго въ безусловную заповѣдь для человѣка согласованіе его воли съ самой собой соотвѣтственно собственному, послѣднему закону разума. Она можетъ быть также названа совѣстью, въ высшемъ значеніи чистаго нравственнаго самосознанія. При этомъ однако она простирается не только на нравственное самоопредѣленіе, но на каждый вообще человѣческій поступокъ, поскольку онъ долженъ быть подчиненъ высшему господству разума или правды. Внѣшняя правдивость есть лишь многообразно обусловленное слѣдствіе и показатель этой внутренней чистоты, а не ея причина; сама же эта внутренняя чистота въ своей безусловной цѣнности не можетъ быть объяснена посредствомъ какого-

либо прямого или косвеннаго отношенія къ другимъ людямъ, равно какъ и черезъ отношеніе къ только мыслимому внѣшнему критику. Добродѣтель эта обнаруживается во всякомъ отношеніи къ дѣлу: въ непреклонномъ стремленіи исследователя къ истинѣ, въ серьезномъ отношеніи къ творчеству въ области искусства, въ честности при выполненіи какой бы то ни было работы, вездѣ требуя—въ качествѣ положительной добродѣтели дѣла—уваженія къ закону, подчиняющему себѣ предметъ, надъ которымъ работаютъ; наконецъ, во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ она проявляется какъ открытая правдивость любви, чистота всѣхъ отношеній къ другимъ людямъ, честность и чистосердечіе въ поступкахъ и во всемъ образѣ жизни.

§ 31. 2. Мужество.

Съ чистотой нравственнаго убѣжденія должна согласоваться энергія воли, необходимая для его осуществленія, именно нравственная сила или мужество, т. - е. безусловная готовность самопожертвованія всей личности не ради какого-либо условнаго блага, но ради единаго безусловнаго блага, которое одно достойно такого отношенія къ нему. Поэтому не безъ основанія самымъ надежнымъ показателемъ этой добродѣтели признается—способность въ случаѣ нужды спокойнымъ рѣшеніемъ воли поставить на карту даже свою жизнь, что само по себѣ можетъ правда произой-

ти и изъ неправственныхъ мотивовъ. Но поскольку такое рѣшеніе должно послѣдовать въ силу вполне опредѣленныхъ и ясныхъ оснований, оно должно вытекать изъ убѣжденія, что всѣ эмпирическія блага имѣютъ только условную цѣнность, и одно лишь благо идеи—имѣетъ цѣнность безусловную. Въ самомъ дѣлѣ, ни предвидѣніе какой-либо эмпирической выгоды или потери для насъ самихъ или для другихъ, ни просто необходимость считаться съ общественной честью и позоромъ или вообще инстинктъ, связывающій жизнь индивидуума съ жизнью общества, — не въ состояніи вполне оправдать пожертвованія всѣмъ эмпирическимъ существованіемъ. На этомъ основаніи не слѣдуетъ однако придавать главное значеніе отрицательной сторонѣ этой добродѣтели, — способности самопожертвованія; она прежде всего имѣетъ положительное и активное значеніе, а не отрицательное и пассивное. И дѣйствительно, такъ какъ она не остается замкнутой въ одномъ только образѣ мыслей человѣка, но стремится проявить его на дѣлѣ, то она тѣмъ самымъ необходимо предполагаетъ активную энергію стремленія (Формъ: Платона). Она не ограничена также и какой-либо опредѣленной областью человѣческой дѣятельности, но простирается на всю нравственную задачу человѣка въ ея цѣломъ. Всякая честная работа вмѣстѣ съ тѣмъ мужественна, поскольку она вытекаетъ столько же изъ нравственной правды, какъ и изъ нравственной силы воли. Такимъ образомъ съ безусловной правдивостью всегда связано и муже-

ство, которое, въ качествѣ нравственной добродѣтели, должно быть основано, подобно самой правдивости, прежде всего на правдѣ.

§ 32. 3. Чистота или нравственный порядокъ въ жизни чувственныхъ влеченій.

Подобно тому, какъ добродѣтель правды относится къ дѣятельности разума, а добродѣтель нравственной силы—къ волѣ, какъ таковой,—третья основная добродѣтель направлена непосредственно на упорядочиваніе чувственной жизни согласно нравственному закону. Эта послѣдняя добродѣтель есть то, что греки называли „Sophrosyne“ — добродѣтелью мѣры или внутренняго благоустройства и гармоніи. Мы называемъ ее нравственной чистотой, понимая подъ этимъ неомраченную ясность внутренняго законопорядка (Gesetzesordnung), или, что тоже, такое внутреннее настроеніе и направленіе самой чувственной жизни нашихъ влеченій, которое—при неоспоримомъ господствѣ въ немъ нравственнаго начала—оказывается согласнымъ съ самимъ собою и въ себѣ самомъ находитъ удовлетвореніе. И эта добродѣтель также имѣетъ столько же положительное, сколько и отрицательное значеніе. Содержаніе ея не исчерпывается одной властью надъ влеченіями (самообладаніе, умѣреніе аффектовъ), какъ и вообще воздержаніе само по себѣ не есть еще добродѣтель. Нравственно-здоровое удовлетвореніе естественнаго влеченія является нравственнымъ требованіемъ въ

такой же мѣрѣ, какъ и воздержаніе отъ нравственно нездороваго удовлетворенія. Такъ добродѣтель дѣломудрїя требуетъ не только увѣреннаго господства надъ влеченіемъ, но и использованія самого влеченія согласно его естественному и нравственному назначенію, лишь бы только подобное примѣненіе влеченія не переходило за предѣлы только что указаннаго его назначенія. Нравственное примѣненіе состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что благодаря ему и физическая сторона влеченія приводится въ связь съ духовной и тѣмъ облагораживается. Въ этомъ именно смыслъ общимъ требованіемъ нравственности является не убивать или по возможности ограничивать чувственную жизнь влеченій, но, напротивъ, стараться привести ее къ здоровому и, какъ разъ благодаря этому, полному жизненной силы развитію; не только утверждать надежную власть нравственнаго убѣжденія и силы воли надъ влеченіемъ, но именно этимъ очищать самое влеченіе и освящать его, т.-е. вышпать до нравственнаго значенія. Чувственная жизнь влеченій, какъ и соответствующая ей добродѣтель, простирается на всю человѣческую дѣятельность, имѣющую именно въ чувственной жизни влеченій свое послѣднее матеріальное основаніе. На этой добродѣтели нравственной чистоты основывается святость всякаго труда. И если правда и нравственная сила являются необходимыми предположеніями этой добродѣтели, то съ другой стороны одинаково справедливо и то, что ни правда, ни

нравственная сила не могутъ существовать безъ нея. Нездоровая чувственная жизнь неизбѣжно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ омраченіе нравственныхъ убѣжденій и ослабленіе нравственной силы воли.

§ 33. 4. Справедливость.

Если первая три добродѣтели еще остаются замкнутыми въ предѣлахъ нравственной жизни отдѣльнаго человѣка и только по своимъ послѣдствіямъ простираются на его отношеніе къ другому, то добродѣтель справедливости, напротивъ, представляетъ именно эту сторону всякой добродѣтели, выражая отношеніе къ другому человѣку и подчиняя нравственнымъ правиламъ отношеніе одной личности къ другой. Поэтому справедливость должна быть все-таки постольку причислена къ индивидуальнымъ добродѣтелямъ, поскольку она основана на свойствѣ воли индивидуума и по существу входитъ въ нравственность индивидуальной жизни. Она знаменуетъ равное уваженіе всѣхъ людей передъ лицомъ нравственнаго закона, проистекающее изъ безусловнаго уваженія нравственной личности въ каждомъ человѣкѣ (§ 26, 5). Только такимъ образомъ можно обосновать признакъ равенства, который заключается въ понятіи справедливости, такъ какъ по своимъ природнымъ качествамъ люди не равны. Но такъ какъ справедливость не относится, подобно каждой изъ трехъ другихъ добродѣтелей, преимущественно

къ какой либо одной изъ трехъ ступеней активности, но сохраняетъ отношеніе въ одинаковой мѣрѣ ко всѣмъ тремъ ступенямъ, то она имѣетъ также одинаково близкое отношеніе къ каждой изъ этихъ трехъ добродѣтелей. Прежде всего она заключаетъ въ себѣ моментъ правды. Правда въ отношеніи къ другимъ (честность, вѣрность) есть также и справедливость, подобно тому, какъ ложь, обманъ—всегда содержитъ въ себѣ моментъ несправедливости (насиліе, обсчетъ). Нарушеніе правды по отношенію къ другому является нарушеніемъ общественности, слѣдовательно, погрѣшеніемъ противъ справедливости. Поэтому справедливость прежде всего зависитъ отъ ясности нравственнаго убѣжденія, несправедливость же, напротивъ, есть одновременно и слѣдствіе и причина спутанности нравственныхъ воззрѣній. Не въ меньшей мѣрѣ требуетъ справедливость также и энергіи нравственной воли, такъ какъ она постоянно должна утверждать себя противъ естественной несправедливости партійныхъ стремленій симпатіи и антипатіи въ себѣ и въ другихъ. Именно поэтому она имѣетъ непосредственное отношеніе къ нравственному порядку чувственной жизни. Справедливости сопротивляется беспорядочное, а не нравственно урегулированное влеченіе. Согласно этому справедливость состоитъ въ правдѣ, силѣ и чистотѣ нравственнаго отношенія къ другимъ людямъ и къ обществу.

Такимъ образомъ всѣ четыре основныя добродѣтели находятся въ такой связи между собой, что

въ корнѣ всѣ онѣ составляютъ нѣчто одно и различны только по направленію проявляющейся въ нихъ дѣятельности; ни одна изъ нихъ, слѣдовательно, не мыслима безъ другихъ, и тѣмъ не менѣ каждая сохраняетъ свое особое значеніе (Положеніе Платона о единствѣ добродѣтелей).

§ 34. Параллелизмъ функцій индивидуальной и соціальной жизни.

Основаніемъ для перенесенія на общество тѣхъ понятій конкретной нравственности, которыя выведены ближайшимъ образомъ по отношенію къ индивидуальной жизни,—служить доказательство того, что и соціальная жизнь опирается на тѣ же самыя первоначальныя факторы, какъ и жизнь индивидуальная, т.-е. на первоначальное отношеніе между влеченіями, волей и разумомъ общества. Въ качествѣ формы общественной воли ближайшимъ образомъ слѣдуетъ признать ея соціальную организацію (Soziale Regelung). Въ самомъ дѣлѣ, подъ волей мы вообще понимаемъ сознаніе цѣли, которая даетъ нашей дѣятельности единство, подчиняя ее правиламъ. Общественная дѣятельность также нуждается поэтому въ общественномъ регулированіи, а этимъ послѣднимъ и опредѣляется воля общества. Наиболѣе опредѣленной и ясной ея формой является правовая организація (rechtliche Regelung) которая представляетъ собою какъбы непосредственное выраженіе воли общества. Соотвѣтственно это-

му разумъ общества долженъ будетъ проявить себя въ постоянно прогрессирующемъ въ отношеніи моральной чистоты устроеніи самой соціальной организаціи согласно нравственнымъ нормамъ, возможность чего обусловливается все возрастающимъ проникновеніемъ жизни общества нравственнымъ духомъ. Съ другой стороны, соціальной организаціи, какъ формѣ воли общественной жизни, соотвѣтствуетъ въ качествѣ ея послѣдней матеріи—трудъ человѣка, поскольку этотъ трудъ нуждается въ обществѣ, и слѣдовательно, подлежитъ соціальной организаціи,—т. е. соціальнй трудъ. Условіемъ для этого со стороны субъекта является то, что стремленія человѣка, живущаго въ обществѣ, подѣ влияніемъ этого послѣдняго сами направляются на общественную жизнь и, слѣдовательно, съ самаго начала получаютъ тенденцію подчиниться соціальной организаціи. Условіемъ къ тому же со стороны объекта является приспособляемость къ общественной (кооперативной) выработкѣ того произведенія, которое надо создать. Работа эта подчинена законамъ техники. Въ самомъ дѣлѣ, совмѣстное дѣйствіе человѣческихъ силъ для созданія какого-нибудь произведенія въ матеріальномъ отношеніи не отличается отъ чисто физическаго (но благодаря техникѣ подчиненнаго человѣку) совмѣстнаго дѣйствія мертвыхъ силъ природы. Вообще человѣкъ, какъ нѣчто, только подлежащее опредѣленію,—не есть что-либо большее, чѣмъ природа, и, слѣдовательно, способъ дѣйствія соціальной организаціи также имѣетъ по

существо своему характеръ дѣйствія законовъ природы. Этотъ способъ дѣйствія существенно отличается однако отъ другихъ родовъ техники тѣмъ, что хотя и имѣетъ въ виду человѣка, какъ нѣчто подлежащее опредѣленію, но въ то же время рассматриваетъ его и какъ предметъ, опредѣляемый его собственной волей. Черезъ посредство техники господство воли и, слѣдовательно, нравственности простирается вплоть до естественнаго основанія человѣческаго существованія. Этимъ именно и обосновывается возможность исполнѣ конкретнаго выраженія нравственныхъ задачъ.

§ 35. Основные классы соціальныхъ дѣятельностей.

Хотя всѣ три момента: трудъ; правило воли и нравственный законъ — какъ въ индивидуальной, такъ и въ соціальной жизни дѣйствуютъ совмѣстно въ неразрывномъ единствѣ, однако это единство все же расчленяется согласно закону раздѣленія функций такъ, что всегда одно изъ этихъ трехъ основныхъ условій господствуетъ въ соотвѣтствующей ему области соціальныхъ дѣятельностей. Такъ возникаютъ три основныхъ класса дѣятельностей: хозяйственныхъ или экономическихъ, дѣятельностей по управленію и дѣятельностей образовательныхъ. Задача хозяйственной экономіи состоитъ въ сохраненіи соціальной работы посредствомъ постоянной репродукціи нашихъ естественныхъ силъ (Triebkräfte), необходимыхъ для работы, или посред-

ством сохраненія равновѣсія между расходомъ и приходомъ, т.-е. въ конечномъ счетѣ между расходованиемъ и возмѣщеніемъ рабочихъ силъ. Естественная физическая энергія (Triebenergie) входитъ однако во всякую человѣческую дѣятельность, слѣдовательно, всякая человѣческая, въ особенности же социальная дѣятельность, имѣетъ экономическое основаніе. Однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всякая дѣятельность съ точки зрѣнія преслѣдуемой ею цѣли была экономической, но таковой является только та дѣятельность, которая имѣетъ своею цѣлью репродукцію (естественныхъ) физическихъ силъ, примѣнимыхъ къ какой-либо социальной дѣятельности. Задача правящей дѣятельности заключается въ подчиненіи труда, который долженъ быть выполненъ обществомъ, — заранѣе установленному общему плану дѣйствій, направленныхъ на общественную цѣль. Социальная организація необходима для всякой общественной дѣятельности. И это социальное формированіе, какъ это яснѣе всего доказываетъ „право“, есть предметъ особенной, исключительно на это формированіе направленной техники, — предметъ особой науки и соотвѣтственно этому также особаго рода дѣятельности, матерія которой можетъ однако заключаться одинаково какъ въ экономической, такъ и въ образовательной, и даже въ социально правящей (sozial regelnder), на примѣръ, — правовой дѣятельности. Наконецъ, задача образовательной дѣятельности заключается въ отнесеніи всякой — одинаково и экономической и правящей дѣятель-

ности общества — къ нравственной конечной цѣли общества. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ доставленіи годовыхъ для работы силъ, ни въ самой социальной организаціи, какъ таковой, не можетъ заключаться вся цѣль социальной жизни; напротивъ, и то и другое очевидно имѣетъ характеръ простыхъ средствъ. Дѣйствительно, хозяйственно-экономической трудъ и социальный порядокъ являются въ послѣднемъ счетѣ простыми вспомогательными средствами для образованія человѣка; вѣдь не ради труда и управленія существуетъ человѣкъ, но наоборотъ, трудъ и управленіе — ради человѣка, именно въ качествѣ средствъ возвышенія его до господства въ немъ нравственнаго разума. Такъ устанавливается принципъ для обсужденія достоинства или внутренней цѣнности (добродѣтели) социальной жизни. И изъ этого именно принципа долженъ быть выведенъ также основной законъ ея развитія.

§ 36. Основной законъ социального развитія.

Въ силу раскрытаго выше отношенія нравственной идеи къ экономическому труду, — устанавливаемого черезъ посредство социального порядка сообразно съ техникой и въ конечномъ счетѣ съ естественно-научнымъ познаніемъ, — наиболѣе общій законъ социального развитія можетъ быть выведенъ изъ той закономерности, которая, начиная съ низшихъ материальныхъ условій сознанія вплоть до высшихъ

формальныхъ принциповъ его и даже до самой идеи, обладаетъ согласующимъ значеніемъ и такимъ образомъ охватываетъ всѣ названныя области въ непрерывной методической связи. Это—та законмѣрность, которую Кантъ сформулировалъ прежде всего для области естествознанія въ трехъ „регулятивныхъ принципахъ“: однородности, спецификаціи и непрерывности (т.-е. генерализаціи, индивидуализаціи и непрерывнаго перехода). Такъ все возрастающее по своимъ размѣрамъ овладѣваніе технической работой (величайшій примѣръ: машинное производство съ своимъ послѣдствіемъ преобладанія крупной промышленности на почвѣ международныхъ сношеній) дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможнымъ соотвѣтственно все болѣе индивидуализируемое рѣшеніе отдѣльныхъ техническихъ проблемъ,— въ непрерывномъ заполненіи всѣхъ пробѣловъ все болѣе приближающееся къ совершенству. Но именно это развитіе техники необходимо требуетъ соотвѣтствующаго развитія хозяйственныхъ организацій, каковое развитіе, въ свою очередь, возможно вообще лишь подъ условіемъ аналогичнаго развитія соціального порядка и потому стремится къ его осуществленію. То же самое, наконецъ, можно сказать и относительно прогресса нравственнаго, гуманнаго образованія вообще, принципы котораго уже Песталлоцци опредѣлилъ въ требованіи, чтобы въ недѣлимомъ единствѣ человѣческаго существа развивались вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльныя направленія этого единства, и чтобы эти послѣднія развива-

лись самостоятельно, но въ то же время въ извѣстной гармоніи между собой, именно въ непрерывномъ переходѣ отъ самыхъ элементарныхъ началъ вплоть до высшихъ ступеней; причемъ развитіе это должно стать доступнымъ всѣмъ безъ исключенія въ одинаковомъ, непрерывными переходами отмѣчаемомъ порядкѣ. Но такъ какъ не что иное, какъ основной законъ сознанія обосновываетъ эту аналогію, проходящую черезъ всѣ области человѣческихъ дѣйствій, и представляетъ такимъ образомъ законъ природы какъ бы въ непрерывной связи съ идеей, то это цѣлостное, единое и все-таки рѣзко расчлененное развитіе можетъ быть изображено какъ развитіе самого человѣческаго сознанія, или какъ воспитаніе человѣчества до зрѣлости человѣческаго въ немъ. Воспитаніе, слѣдовательно, должно быть выполнено при помощи методическаго подчиненія природной техники—соціальной, и, слѣдовательно, хозяйственно-экономической дѣятельности—правлящей. При этомъ, однако, оба эти рода дѣятельности (и хозяйственно-экономическая и правящая) должны быть подчинены руководящему разуму, т.-е. образовательной дѣятельности, постоянно прогрессирующей въ направленіи объединенія и вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуализаціи и установленія непрерывной связи, поскольку объ этомъ можетъ идти рѣчь по отношенію къ находящимся въ тѣсномъ взаимномъ проникновеніи соціальнымъ функціямъ, равно какъ и участвующимъ въ нихъ лицамъ и общественнымъ классамъ.

§ 37. Добродѣтели общественной жизни.

Общественная жизнь, устроенная согласно выше указаннымъ принципамъ, могла бы въ совершенствѣ представить характерныя нравственныя черты, соотвѣтствующія основнымъ индивидуальнымъ добродѣтелямъ, и такимъ образомъ дать надежное основаніе для высшаго развитія самихъ этихъ индивидуальныхъ добродѣтелей во всѣхъ членахъ общества.

1. Добродѣтель правды означаетъ въ примѣненіи къ обществу, аналогично тому, какъ и для индивидуума,—совершенное господство разума въ социальномъ порядкѣ и благодаря этому послѣднему во всей трудовой жизни общества. Такое господство достижимо только при помощи на всѣхъ членовъ общества распространеннаго, охватывающаго все человѣческое существо вплоть до его самыхъ глубокихъ чувственныхъ основаній—воспитанія, которое одно можетъ наполнить всю социальную жизнь разумнымъ смысломъ и силами для познанія истины.

2. Добродѣтель мужества въ отношеніи къ обществу означаетъ съ одной стороны, что его законодательство, какъ выраженіе общественной воли, со всею силою отстаивается противъ всякаго противящагося обществу стремленія, съ другой же стороны, и въ еще большей мѣрѣ,—что само общество строго подчиняется требованіямъ нравственности и со всей своей энергіей стремится къ ея

прогрессивно совершенствующемуся осуществленію. Сообразно съ этимъ измѣряются также и обязательства индивидуума по отношенію къ закону даннаго общества. Особенно же отсюда вытекаетъ требованіе по существу равнаго участія всѣхъ въ важнѣйшихъ социальныхъ функціяхъ, при условіи равнаго доступа всѣхъ къ образованію, особенно нравственному, что уже было высказано въ видѣ требованія подь 1.

3. Третья добродѣтель, именно добродѣтель гармоническаго порядка чувственной жизни (Triebleben) въ примѣненіи къ обществу означаетъ здоровую организацію социальной работы, осуществляемую посредствомъ социального управленія и соотвѣтственно основоположеніямъ социального воспитанія. И здѣсь также существеннымъ и основнымъ условіемъ является равное упорядоченное участіе всѣхъ въ работѣ, необходимой для общества.

4. Наконецъ, изъ соединенія всѣхъ этихъ трехъ добродѣтелей, которое мы называемъ справедливостью общества, слѣдуетъ, что эта организація общественной жизни, вызванная требованіемъ нравственнаго закона, направлена по возможности ко благу всѣхъ отдѣльныхъ членовъ общества безъ исключенія и безъ партійнаго предпочтенія; что каждому, слѣдовательно, предоставляется участіе (suum cuique) во всѣхъ трехъ основныхъ функціяхъ социальной жизни исключительно въ мѣру способности, а не какого-либо внѣшняго преимущества (класса или состоянія). Эта добродѣтель, какъ и

всѣ другія добродѣтели общества, связана съ общимъ условіемъ соціального воспитанія.

§ 38. Соціальная организація воспитанія.

Въ постепенномъ порядкѣ развитія практическаго сознанія, т.-е. въ воспитаніи какъ индивидуума, такъ и общества, на первомъ мѣстѣ естественно стоитъ развитіе жизни чувственныхъ влеченій, затѣмъ формировка воли (какъ сознанія правилъ вообще) и только подъ конецъ уже непосредственною цѣлью въ дѣлѣ воспитанія становится высокое развитіе нравственнаго разума въ человѣкѣ. Согласно этой постепенности и расчленяется въ дѣйствительности соціальная организація воспитанія. Первой формой воспитывающаго общенія является домъ или семья. На болѣе раннихъ ступеняхъ культуры семья образуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе также для всякой организаціи хозяйственнаго труда. Вотъ почему согласно идеѣ Песталоцци домашнее воспитаніе, какъ основная форма воспитанія вообще, должно было бы имѣть своимъ центромъ воспитаніе въ физическомъ трудѣ (*Arbeitserziehung*), къ которому примыкало бы затѣмъ все образованіе,—какъ интеллекта, такъ и воли. Идея Фребелевскаго дѣтскаго сада въ сущности та же самая; онъ стремится соединить наиболѣе планомѣрную и наиболѣе соціальную форму первоначальнаго воспитанія съ его по существу домашнимъ характеромъ. Но тотъ же

способъ воспитанія можно мысленно перенести и на семейные союзы, которые сами собой возникли бы изъ болѣе объединеннаго хозяйства. Школьное воспитаніе (2) весьма опредѣленно способствуетъ развитію воли съ формальной стороны ея подчиненія правиламъ вообще. Сущность школы состоитъ именно въ порядкѣ и дисциплинированіи, сообщаемыхъ всему поведенію,—какъ со стороны интеллекта, такъ и воли. Благодаря этому школа представляетъ собою самую точную аналогію съ правовой организаціей общества, для участія въ которой она постепенно шагъ за шагомъ и подготавливаетъ (*heranbildet*) человѣка. Поэтому то школа и стремится съ необходимостью къ національному образованію и воспитанію. Всеобщее школьное обученіе и воспитаніе цѣлой націи согласно основнымъ принципамъ равенства и общественности является ея цѣлью, къ которой она въ дѣйствительности все болѣе и приближается въ соотвѣтствіи съ общими законами соціального развитія. Однако совершенной полноты и законченности нравственнаго воспитанія cadaго индивидуума, какъ гражданина, не въ состояніи достигнуть ни семья, ни школа; такое совершенное воспитаніе можетъ дать только такой порядокъ общественной жизни, при которомъ всѣ стороны общества,—какъ экономическое и правовое устройство, такъ и попеченіе объ образованіи на всѣхъ его ступеняхъ, включая сюда и попеченіе объ искусствѣ,—дѣйствуютъ совмѣстно для достиженія одной и той же послѣдней цѣли чистаго общенія

въ познаніи и хотѣніи единого вѣчнаго блага (соціально-педагогическая идея государства ср. § 35). Нѣчто подобное религія всегда стремилась достигнуть даже по отношенію ко всему человѣческому роду. Но при этомъ можно однако опасаться, что она слишкомъ рѣзко отдѣляетъ высшее духовное общеніе людей отъ чувственныхъ, физическихъ силъ человѣческаго существованія, отъ хозяйства и права, отъ свободнаго развитія науки, и тѣмъ самымъ отъ существенныхъ условій гуманной нравственности. И все-таки общественная жизнь, развившаяся даже на чисто гуманныхъ основахъ, не должна быть лишена теплоты чувства человѣчности и чувства безконечности (жизни), а постольку она сама можетъ стать причастной тому, что характерно для религіи, и воспринять въ себя тѣ ея элементы, которые были заимствованы религіей изъ содержанія чисто человѣческаго чувства. („Религія въ границахъ гуманности“ см. ниже § 40).

Приложеніе: задача эстетики и философіи религіи.

§ 39. Задача и принципъ эстетики.

Природа и нравственный міръ,—то, что есть и то, что должно быть,—обнимаютъ повидимому собою все, что можетъ быть предметомъ человѣческаго познанія. И тѣмъ не менѣе лишь за ихъ предѣлами лежитъ царство прекрасныхъ образовъ (искусство),

претендующее на особую истинность, не имѣющую ничего общаго ни съ дѣйствительностью природы, ни съ общеобязательностью требованія, обращеннаго къ волѣ. Искусство утверждаетъ истину особаго рода и наряду съ тѣми двумя мірами построяетъ свой собственный міръ. Но и этотъ способъ построенія при всей свободѣ, которую онъ обнаруживаетъ по отношенію къ законамъ природы и нравственнаго міра, является строго законмѣрнымъ и тѣмъ самымъ образуетъ предметъ особаго рода познанія. Этотъ особый родъ познанія требуетъ поэтому также пониманія его внутренней связи съ познаніемъ теоретическимъ и практическимъ, каковое пониманіе возможно лишь черезъ выясненіе связи всѣхъ этихъ существенно различныхъ родовъ познанія въ послѣднемъ законѣ сознанія. Отсюда вытекаетъ задача философской эстетики, которая должна поэтому имѣть дѣло не прямо съ художественнымъ построеніемъ, но съ основой познанія художественнаго построенія, и особенно должна установить, какимъ образомъ этотъ способъ полаганія объекта относится къ теоретическому и этическому способамъ его построенія, и какъ онъ связанъ съ ними въ послѣднемъ единствѣ. Эту послѣднюю связь (согласно результатамъ эстетическихъ изслѣдованій Канта и Шиллера) слѣдуетъ признать въ томъ, что въ то время, какъ въ дѣйствительности человѣческаго существованія всегда остается пропасть между интеллектомъ и волей, опытомъ и идеей, естественнымъ міромъ и высшимъ нравственнымъ міромъ,—искус-

ство осуществляет по крайней мѣрѣ идеальное соединеніе ихъ, представляя существующее—какъ должное и должное—какъ существующее. Выполнить это оно конечно можетъ только фиктивно; въ этомъ смыслѣ всякое искусство есть поэзія, а не истина, т. е. ни теоретическая, ни практическая истина; и тѣмъ не менѣе искусству присуща та послѣдняя, даже высшая истинность, согласно которой основная закономерность построения природы съ одной стороны, и закономерность нравственного построения съ другой—все же указываютъ на нѣкоторое послѣднее единство, къ которому они въ равной мѣрѣ стремятся, и которое является ихъ общей послѣдней цѣлью. Глубочайшее дѣйствіе искусства основывается такимъ образомъ на идеальномъ предвосхищеніи единства природы и нравственности, бытія и долженствованія, — единства, хотя мыслимаго само по себѣ и требуемаго, но еще не достигнутаго и даже недостижимаго въ эмпирической дѣйствительности. И тѣмъ не менѣе именно черезъ это идеальное предвосхищеніе эстетическое сознание оказывается въ состояніи проникнуть въ области интеллекта и воли во всей ихъ широтѣ и всецѣло усвоить ихъ себѣ. Во всякой жизненно постигнутой истинѣ и благѣ по крайней мѣрѣ наивное сознание, не замѣчая еще скрытаго тамъ конфликта, можетъ созерцать прекрасное (прекрасное природы, нравственно прекрасное). Утонченное сознание, легко постигающее всякій такой конфликтъ, безъ сомнѣнія теряетъ способность

къ этому широкому и открытому воспріятію эстетическаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣетъ тогда и сила собственного свободнаго построения прекраснаго, которое само по себѣ неразрывно связано съ силой эстетическаго чувства и является ея вѣрнымъ показателемъ. Только на извѣстной высотѣ интеллектуальнаго и нравственнаго развитія, гдѣ конфликтъ дѣйствительно внутренне преодоленъ согласно идеѣ, эстетическое построение можетъ вновь окрѣпнуть во всей своей силѣ и такимъ образомъ впервые осуществить наивысшее въ области прекраснаго.

§ 40. Религія въ ея отношеніи къ наукамъ, нравственности и искусству.

Въ сравненіи съ тремя основными способами объективнаго построения—наукой, нравственностью и искусствомъ—религія не имѣетъ значенія четвертаго особаго способа построения и, слѣдовательно, познанія. Она, напротивъ, пользуется всеми тремя названными способами, стремясь сразу и возвыситься надъ ними и подчинить ихъ себѣ. Вслѣдствіе этого она вступаетъ съ ними въ постоянный рѣзкій конфликтъ, который грозитъ снова разрушить единство человѣческаго сознанія. Первымъ условіемъ для разрѣшенія этого конфликта является убѣжденіе, что религія не извнѣ, не изъ какого-то надземнаго міра снизошла къ человѣчеству, но что подобно тремъ названнымъ основнымъ видамъ человѣческой культуры, и она произошла изъ соб-

ственного сознания человека. Однако, она не является, подобно темъ тремъ видамъ культуры, однимъ изъ основныхъ направлений объективирования,—а имѣетъ свой источникъ въ чистой субъективности чувства. Въ послѣднемъ мы познаемъ всеобъемлющую первоначальную форму сознания, предваряющую всякое определенное построение объектовъ и лежащую въ его основѣ. Оно открываетъ намъ самую основную внутреннюю сторону душевной жизни, тогда какъ познание, воля и художественная фантазія представляютъ собой только способы выраженія и доступнаго для пониманія изложенія того, что живетъ въ глубинѣ нашего сознания. Но именно вслѣдствіе своего характера субъективной первоначальности, непосредственности и универсальности—чувство сопровождаетъ также и всѣ упомянутыя объективныя построения вплоть до самыхъ высшихъ ихъ проявленій. Оно стремится найти себѣ въ нихъ выраженіе и однако всегда перерастаетъ ихъ; его безконечное содержаніе не можетъ быть вполне выражено въ этихъ построенияхъ. Такъ возникаетъ противоположность и соревнованіе между болѣе ясными построениями сознания въ наукѣ, нравственности и искусствѣ и темъ безформенными глубинами души, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ этихъ построений, но не исчерпываются ими ни на одной изъ стадій ихъ развитія. Стремленіе къ трансцендентности, имѣющее свои глубочайшіе корни въ религіи, объясняется въ концѣ концовъ изъ этого присущаго

безконечному и безформенному чувству притязанія на универсальность, вслѣдствіе котораго чувство не можетъ подчиниться определеннымъ границамъ и нормамъ нашего человеческого конечнаго познанія, нашей воли и нашего художественнаго творчества, но въ своей чрезмерной непосредственности стремится встать въ прямое отношеніе къ безконечному, сверхчеловѣческому („божественному“). Но если даже отнять у чувства притязаніе на трансцендентность, за нимъ все-таки останется для развитія человека то громадное значеніе, что оно оживотворяетъ одинаково глубокимъ проникновеніемъ всѣ указаные выше виды объективныхъ построений, наполняетъ ихъ своей теплотой и непосредственностью, ставя черезъ это въ тѣснѣйшую взаимную связь различныя области человеческого творчества и является такимъ образомъ темъ началомъ, которое жизненно поддерживаетъ неразрушимое единство, индивидуальность человеческого существа. Но, главное, оно дѣлаетъ внутренне близкимъ человеку,—при томъ въ определенной внѣшней и внутренней обстановкѣ его жизни,—безконечное требованіе нравственнаго закона и этимъ оживляетъ надежду на реализацію нравственной идеи, на всеобъждающую силу добра въ мірѣ и за его предѣлами, въ сердцахъ людей и надъ ними. Такъ остается неприкосновеннымъ все, что только когда-либо возникало въ религіи, какъ заимствованное изъ существеннаго содержанія чувства и особенно изъ нравственной силы,—что до сихъ поръ

главнымъ образомъ благодаря ей сохранило свое жизненное значеніе для человѣчества, и что останется въ ней цѣннымъ даже въ томъ случаѣ, если будетъ отброшено трансцендентное притязаніе ея догмы, а, религиозное представленіе съ одной стороны будетъ понято какъ чистая идея, съ другой — низведено на степень художественнаго символа, — другими словами, если религія останется замкнутой въ границахъ человѣческаго и не будетъ болѣе стремиться ихъ перейти.

IV. Начальныя основы психологіи.

§ 41. Объектъ психологіи.

Своеобразный интересъ, представляемый психологіей въ противоположность тому, который вызываютъ познанія, имѣющія дѣло съ объектами, есть интересъ къ субъективности непосредственнаго переживанія или просто къ факту сознанія, какъ таковому. Въ послѣднемъ можно вообще различать три момента, содержащіеся въ немъ, правда, фактически въ неразрывномъ единствѣ, но тѣмъ не менѣе допускающіе отдѣльное разсмотрѣніе ихъ посредствомъ абстракціи: я, содержаніе и отношеніе между ними („сознательность“). Сознаніе можетъ быть мыслимо лишь какъ отношеніе между двумя терминами; оно только выражаетъ фактъ, — что нѣчто сознается мною. Однако „я“ обозначаетъ здѣсь не субстанцію, а только выраженіе того единства отношенія, благодаря которому многообразное содержаніе одного сознанія образуетъ именно одно сознаніе. Съ этой точки зрѣнія о „я“ въ дѣйствительности нельзя ничего высказать, что не было бы уже полностью представлено (repräsentiert) въ содержанія и отношеніяхъ содержанія. Нельзя также говорить объ актахъ со-

знанія въ отличіе отъ содержанія. Дѣйствительность извѣстнаго содержанія (напр. тона) и сознание этого содержанія (актъ слухового ощущенія) не суть два факта сознанія; напротивъ, содержаніе имѣется въ наличности лишь тогда, когда оно есть содержаніе сознанія, т.-е. когда сознание извѣстнаго содержанія имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности; эта наличность сознанія не есть какой-либо дальнѣйшій, только могущій присоединиться фактъ. Поэтому всякое различіе въ сознаніи необходимо представлять какъ различіе въ содержаніи и его отношеніяхъ, а не сверхъ того еще и какъ различіе самаго акта или способа сознательности. Предметомъ психологіи является такимъ образомъ единственно лишь содержаніе сознанія, или непосредственное явленіе, но всегда лишь въ его чисто субъективномъ существованіи для „я“; и при этомъ задача ея простирается главнымъ образомъ на содержаніе въ отношеніи къ его многообразнымъ связямъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ непосредственномъ переживаніи ни одно содержаніе не бываетъ совершенно изолировано отъ другого; сознанію, какъ таковому, свойственна взаимная связь содержаній (Komplexion). Изолированное единичное содержаніе есть лишь результатъ абстракціи, которую въ свою очередь необходимо силою мысли уничтожить, чтобы такимъ образомъ мысленно реконструировать первоначальное содержаніе сознанія. Точно такъ же съ высказанной точки зрѣнія нельзя говорить и объ отдѣльных фактахъ сознанія во времени. Первоначально

дано время въ сознаніи, а не сознание во времени. Тѣмъ не менѣе временная связь образуетъ фундаментальную основу всѣхъ другихъ связей. И въ этомъ смыслѣ можно говорить также о слѣдующихъ одинъ за другимъ фактахъ сознанія, если только твердо держаться того взгляда, что благодаря этому мыслятся лишь болѣе тѣсныя связи, подчиненныя нѣкоторой другой, болѣе широкой связи, именно—всей цѣпи переживаній.

§ 42. Методъ психологіи.

Если своеобразный предметъ психологіи есть субъективность, взятая просто какъ таковая, то ея методъ долженъ отличаться отъ метода всѣхъ другихъ наукъ, имѣющихъ дѣло съ объектами. Методъ послѣднихъ, заключающійся въ опредѣленіи явленій по ихъ объективнымъ единствамъ т.-е. въ подчиненіи ихъ законамъ—и именно благодаря этому въ конструктивномъ построеніи являющагося въ этихъ единствахъ предмета,—самъ по себѣ отличается безусловной впутренней замкнутостью и единствомъ; въ его рамкахъ нѣтъ мѣста для науки о субъективности. Если въ психологіи и ищутъ закономернаго объясненія явленій сознанія, то на дѣлѣ его, напротивъ, слѣдовало бы искать въ чисто объективной области, слѣдовательно (поскольку имѣется въ виду теоретическая сторона вопроса) въ естествознаніи. Правда часто различаютъ въ качествѣ двухъ отдѣльныхъ рядовъ феноменовъ—рядъ физической и рядъ психической. Однако двойной

рядъ явленій намъ вообще никогда не бываетъ данъ. Всѣ явленія въ концѣ концовъ однородны, точно такъ же, какъ съ другой стороны и самая предметность, къ которой явленія должны быть сведены посредствомъ объективирующаго познанія, по самому своему понятію есть только одна предметность. Только съ этой точки зрѣнія можно ясно представить себѣ противоположность „психическаго“ и „физическаго“. Нѣтъ явленія, которое не было бы явленіемъ въ сознаниі, и нѣтъ точно такъ же явленія, которое не было бы явленіемъ предмета. Не существуетъ также никакого различія и въ самомъ содержаніи явленія, въ силу чего данное явленіе одинъ разъ необходимо бы было разсматривать какъ явленіе предмета, а другой разъ— какъ явленіе сознания; напротивъ, въ любомъ отношеніи, и со стороны числа и со стороны содержания, каждое явленіе есть всегда одно и то же явленіе, которое можно разсматривать однако въ двухъ направленіяхъ: со стороны его отношенія къ предмету въ объективирующей наукѣ и со стороны его отношенія къ „я“ въ психологіи. Не можетъ, поэтому существовать никакой „объяснительной“ психологіи, которая не была бы уже естественной наукой, или не была бы предназначена стать таковою. Въ нашемъ смыслѣ интересъ психологіи имѣетъ однако (сравнительно съ объективнымъ интересомъ естествознанія) *) какъ разъ

*) Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, нами въ скобкахъ вставлено нѣсколько словъ исключительно для приданія большей ясности и опредѣленности слишкомъ сжато изложенію автора. *Ред.*

противоположный характеръ: всякую познанную объективность она стремится свести на непосредственную субъективность явленія. Но это сведеніе требуетъ для себя особаго метода, такъ какъ послѣдніе непосредственные элементы сознанія никоимъ образомъ не даны непосредственно. Въ самомъ дѣлѣ, всякое познаніе являющагося естественно стремится къ объективности; рефлексивный способъ разсмотрѣнія, направляющійся на субъективное какъ таковое, отличается напротивъ совершенно инымъ характеромъ. Эта задача могла бы даже показаться совершенно неразрѣшимой, такъ какъ дѣйствительности нельзя познавать, не объективируя. Но возможно, по крайней мѣрѣ, обратное заключеніе отъ произведенныхъ уже объективированій къ тому, что необходимо мыслить въ качествѣ предваряющей ихъ послѣдней субъективной основы. Эта реконструкція непосредственнаго содержанія, т. - е. первоначальныхъ субъективныхъ элементовъ познанія, должна, слѣдовательно, опираться на предварительное построеніе объекта и состоятъ въ сущности лишь въ простомъ обращеніи направленія объективирующаго познанія, такъ что объ эти задачи: построеніе объекта и реконструкція субъективнаго содержанія строго другъ другу соотвѣтствуютъ, но въ то же время противоположны по направленію. Противоположность объективнаго и субъективнаго есть въ дѣйствительности лишь противоположность этихъ обоихъ направленій самаго пути познанія. Поэтому

совершенно новое содержаніе, конечно, не можетъ быть обнаружено въ психологіи. Но новымъ является все-таки полное возстановленіе тѣхъ связей, которыя, напротивъ, должны были уничтожаться объективирующимъ познаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякое объективированіе основано на абстракціи, на прослѣживаніи отдѣльныхъ направленій сознанія, на выдѣленіи опредѣленныхъ единствъ, которыя лишь благодаря этому и противостоятъ въ качествѣ „объектовъ“ субъективному содержанію непосредственнаго сознанія. Такимъ образомъ лишь въ прослѣживаніи обоихъ основныхъ направленій познанія и въ разсмотрѣніи ихъ строгаго взаимоотношенія завершается задача всего познанія, и его единство впервые оказывается вполне законченнымъ.

§ 43. Ощущеніе.

Психологическое понятіе ощущенія, какъ послѣдняго элемента всѣхъ связей въ сознаніи, получаетъ свое ближайшее опредѣленіе черезъ восхожденіе къ тѣмъ именно основнымъ связямъ, элементомъ которыхъ оно является. Согласно тому, что установлено въ критикѣ познанія (сравн. §§ 10 и 19) ощущеніе, въ качествѣ послѣдней матерьяльной основы опытнаго познанія, обозначаетъ само по себѣ лишь неопредѣленное, только еще подлежащее опредѣленію нѣчто=X; съ положительной же стороны оно есть нѣчто опредѣлимое или данная возможность именно тѣхъ опредѣленій, кото-

рую объективное познаніе осуществляетъ по законамъ синтетическаго единства. Функция синтетическаго единства въ первоначальномъ своемъ видѣ имѣетъ двусторонній характеръ — количественный и качественный (§§ 12. 13. 20). Въ первомъ отношеніи ощущеніе слѣдуетъ опредѣлить какъ послѣднее единичное, во второмъ—какъ послѣднее тождественное или качественно-единое, какъ простое въ сознаніи. Но въ качествѣ послѣдняго единичнаго — ощущеніе необходимо мыслить какъ единство нѣкотораго множества, т.е. въ отношеніи къ возможности связи. Связь же эта заключаетъ въ себѣ возможность какъ разъединенія, такъ и соединенія того, что есть во всякомъ соединеніи раздѣльнаго. На первомъ моментѣ основывается способъ связыванія въ послѣдовательности или во времени, на второмъ — связь совмѣстности или связываніе въ пространствѣ. Слѣдовательно въ количественномъ отношеніи ощущеніе, какъ послѣднее единичное, означаетъ сразу и элементъ времени и элементъ пространства, или то, что можетъ быть опредѣлено и подлежить опредѣленію и въ недѣлимомъ моментѣ времени и въ пространственной точкѣ, въ данномъ „теперь“ и „здѣсь“. Точно такъ же въ качественномъ отношеніи ощущеніе, какъ послѣднее тождественное себѣ содержаніе, необходимо мыслить сразу и въ его отличіи отъ другого ощущенія и въ связи съ таковымъ и притомъ, согласно закону качественного синтеза, въ непрерывной связи съ нимъ. И только это второе

опредѣленіе относится къ ощущенію въ его первоначальномъ значеніи, т.-е. со стороны его содержанія, именно поскольку оно не просто обозначаетъ мѣсто во времени и пространствѣ, но поскольку этимъ опредѣленіемъ въ него вкладывается также и нѣкоторое нѣчто, извѣстное содержаніе. Это опредѣленіе—первоначально, такъ какъ и любое мѣсто въ пространствѣ и времени обозначается ощущеніемъ лишь черезъ то, что оно влагаетъ въ нихъ нѣкоторое содержаніе, нѣчто реальное, правильнѣе говоря, нѣчто подлежащее реализаціи—X. Это послѣднее, согласно тому способу изслѣдованія (Ableitung), которымъ оно получается, должно быть правда мыслимо какъ нѣкоторая (качественная) точка, при этомъ однако въ непрерывной связи ея съ другимъ реальнымъ, слѣдовательно, прежде всего и первоначально въ интенсивномъ, а не экстенсивномъ единствѣ. Поскольку однако эту связь согласно первому признаку необходимо мыслить во времени, объективнымъ коррелатомъ ощущенія является непрерывное измѣненіе, а поскольку далѣе эту связь надо мыслить также и въ пространствѣ,—объективнымъ коррелатомъ ощущенія является движеніе и при томъ въ его безконечно-маломъ первоисточникѣ.

§ 44. Стремленіе.

Ощущеніе, какъ оно было опредѣлено въ § 43 обозначаетъ лишь элементъ теоретическаго сознанія. Однако при окончательномъ разсмотрѣніи не-

обходимо мыслить упраздненнымъ раздѣленіе теоретическаго и практическаго направленія въ понятія послѣдняго психическаго элемента. Наше опредѣленіе понятія психическаго элемента нуждается поэтому въ дополненіи, поскольку въ него нужно внести еще чувственную основу стремленія и затѣмъ—чувства. Ощущеніе, чувство и стремленіе не суть, слѣдовательно, согласованные между собой элементы, а должны быть абстрактно различаемы лишь какъ три стороны или направленія въ одномъ и томъ же послѣднемъ элементѣ, въ элементарномъ чувственномъ переживаніи (ощущеніи въ точномъ смыслѣ слова).

Психологическое понятіе стремленія должно стать яснымъ изъ другого основного вида объективированія, направленаго не къ существующему въ эмпирическомъ смыслѣ, не къ предмету опыта или природы, но къ тому что должно быть (§ 22). Этому виду объективированія и соответствуетъ прежде всего психологическое понятіе стремленія (срав. § 28). Эту противоположность направленій сознанія въ психологіи обозначаютъ обыкновенно какъ противоположность представленія и воли. Представленіе направляется на дѣйствительное (или на то, что по крайней мѣрѣ имѣетъ видъ дѣйствительнаго); послѣдній показатель дѣйствительнаго есть ощущеніе (въ тѣсномъ смыслѣ), понятіе котораго могло быть, поэтому, получено черезъ регрессивное заключеніе (Rückschluss), исходящее изъ требованій того опредѣленія дѣйствительнаго содержанія

опыта, которое было обосновано въ логической теоріи опыта. Отъ стремленія существенно отличается хотѣніе, какъ опредѣленное „намѣреніе“, которое не просто связывается съ представленіемъ чего-либо недѣйствительнаго (такъ), какъ если бы оно существовало въ дѣйствительности, но которое утверждаетъ это представленіе какъ имѣющее быть осуществленнымъ, какъ долженствующее быть. Послѣдній показатель объекта, который имѣетъ быть такимъ образомъ установленъ, есть чувственное стремленіе. Его психологическое понятіе должно быть, поэтому, выведено изъ объективно доказуемыхъ требованій отношенія къ нѣкоторому объекту какъ долженствующему быть. Однако само это отношеніе, какъ сознательное, нельзя включить въ понятіе чувственного стремленія подобно тому, какъ отношеніе къ дѣйствительному, какъ сознательное, нельзя включить въ понятіе ощущенія; только субъективная основа того и другого отношенія должна мыслиться въ элементарномъ переживаніи, и притомъ субъективная основа для отношенія къ дѣйствительному—въ моментъ чистаго (неакцентуированнаго) ощущенія, а субъективная основа для отношенія къ тому, что только еще должно стать дѣйствительнымъ—въ моментъ стремленія. Но такъ какъ то, что должно стать дѣйствительнымъ, въ случаѣ своего осуществленія становится таковымъ, и, слѣдовательно, подпадаетъ подъ общія опредѣленія дѣйствительнаго, то единственнымъ привходящимъ, специфическимъ моментомъ стремленія оказывается моментъ напри-

вленія, движенія, заключающей въ себѣ какъ бы нѣкоторую полярную противоположность: стремленіе всегда идетъ отъ чего-нибудь одного къ чему-нибудь другому; отъ даннаго, въ смыслѣ представленія чего-либо дѣйствительнаго, къ тому, чего въ смыслѣ представленія еще нѣтъ въ дѣйствительности, но что согласно требованію стремленія должно стать дѣйствительнымъ. Основная характерная черта стремленія заключается, слѣдовательно, въ присутствіи ему своеобразномъ способѣ утвержденія и отрицанія, существенно отличномъ отъ того, какъ происходятъ тѣ же акты въ области простого представленія (отождествленіе и различеніе § 13), и особенно потому не допускающемъ смѣшенія съ ними, что стремленіе отрицаетъ какъ разъ то, что утверждаетъ представленіе, и утверждаетъ то, что представленіе отрицаетъ: то, что есть, не должно быть; что не есть то должно быть; даже то, что уже невозвратно стало дѣйствительнымъ, должно было бы не быть или не должно бы было быть. Стремленіе есть отрицаніе и утвержденіе вопреки дѣйствительности бытія и небытія; оно, слѣдовательно, возвышается надъ этими послѣдними, является вопросомъ, требованіемъ по отношенію къ дѣйствительности. Оно является обоснованнымъ въ томъ смыслѣ, что какъ въ объективномъ разсмотрѣніи должно стоять передъ бытіемъ, такъ точно и съ психологической точки зрѣнія элементарное хотѣніе (стремленіе) въ качествѣ основнаго момента элементарнаго переживанія необходимо должно быть пос-

тавлено передъ элементарнымъ представленіемъ (ощущеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ), хотя въ составъ дѣйствительнаго элементарнаго переживанія одинаково существенно входятъ оба элемента, и логически, т.-е. въ понятіяхъ, ощущеніе можно опредѣлить даже безъ отношенія къ стремленію, но не наоборотъ.

§ 45. Чувство.

Чувство удовольствія и неудовольствія, напротивъ, не соотвѣтствуетъ еще само по себѣ какому-либо третьему роду объективированія, напримѣръ эстетическому. Въ самомъ дѣлѣ, первоначальная сущность эстетическаго (познанія) заключается въ творческомъ построеніи, причемъ моментъ чувства, правда, всегда предполагается, но еще не содержитъ въ себѣ основанія законмѣрности построенія. Болѣе того, чувство можно понять даже независимо отъ какого-либо особаго новаго рода объективированія—изъ отношенія стремленія къ представленію. Основную форму его составляетъ удовлетворенность и неудовлетворенность. Эта форма относится съ одной стороны къ данному состоянію и постольку къ ощущенію; съ другой стороны—она находится въ опредѣленномъ отношеніи къ положительному и отрицательному стремленію; она предполагаетъ требованіе относительно того, какимъ нѣчто должно бы было быть, значить,—предполагаетъ стремленіе. Чувство, такимъ образомъ, не утверждаетъ, или отрицаетъ еще чего-либо третьяго сравнительно съ тѣмъ, что

утверждается и отрицается въ представленіи и стремленіи, но утверждаетъ и отрицаетъ то, что согласно свидѣтельству ощущенія—есть или не есть, и дѣлаетъ это соотвѣтственно своему отношенію къ тому, что согласно требованію стремленія—должно или не должно быть. Оно какъ бы говоритъ: нѣчто таково, какимъ оно должно быть, или же—нѣчто не таково, какимъ оно должно быть. Слѣдовательно и то и другое, и чувство и стремленіе,—обозначаютъ заинтересованное отношеніе, высказываніе за и противъ, и оба означаютъ именно только это, если, разумѣется, устранить изъ нихъ все, что относится къ простому представленію. При томъ оба они утверждаютъ и отрицаютъ всегда одно и то-же, хотя и съ нѣкоторымъ различіемъ въ отношеніи времени: утвержденіе и отрицаніе чувства относится исключительно къ данному, настоящему; утвержденіе и отрицаніе стремленія—къ неданному, осуществленіе чего еще только имѣется въ виду. И тѣмъ не менѣе это различіе достаточно глубоко для того, чтобы отличить чувство, какъ нѣчто пассивное, связанное съ даннымъ, слѣдовательно несвободное,—отъ стремленія, какъ основанія всякой активности и послѣдней психологической основы сознанія свободы. Съ другой стороны однако оба эти состоянія,—и чувство и стремленіе,—всегда сознаются въ одномъ актѣ. Я чувствую то, что причиняетъ мнѣ боль, только благодаря моему сопротивленію или тому препятствію, съ которымъ встрѣчается мое стремленіе; и наоборотъ, свое стремленіе я чув-

ствую только въ смѣнѣ удовольственности и неудовольственности. Чувство удовольствія тождественно съ чувствомъ безпрепятственнаго стремленія, а чувство неудовольствія—съ чувствомъ стремленія, испытывающаго препятствіе. Принимая во вниманіе послѣднюю точку зрѣнія, не слѣдуетъ поэтому говорить о стремленіи и чувствѣ, но—о чувствѣ стремленія (Strebungsgefühl). Нельзя установить между ними также и причиннаго отношенія; различіе ихъ возможно исключительно только въ абстракціи. Но поскольку въ понятіи стремленія мыслится именно выходъ за предѣлы непосредственно даннаго переживанія, постольку оно уже прямо указываетъ на связь элементарныхъ содержаній въ представленіи. Его можно отнести какъ разъ къ моменту заключенія и уничтоженія связей. Въ самомъ дѣлѣ, стремленіе всегда направлено къ осуществленію чего-либо дѣйствительнаго, и, слѣдовательно,—такъ какъ дѣйствительность съ психологической точки зрѣнія есть представленіе,—къ представленію. Стремленіе первоначально есть стремленіе представленія, слѣдовательно, стремленіе къ заключенію и уничтоженію связей, чѣмъ съ новой стороны опредѣляется его полярный характеръ,—именно принимающее или отклоняющее дѣйствіе. Чувство стремленія въ качествѣ все проникающаго и связывающаго въ конкретное единство—момента есть собственно какъ разъ то, что составляетъ жизнь и переживаніе, и постольку мы въ правѣ охарактеризовать наше „я“ (какъ выраженіе именно этого

наиболѣе конкретнаго единства переживаній) преимущественно какъ дѣятельность стремленія.

§ 46. Представленіе.

Подъ представленіемъ (въ тѣсномъ смыслѣ) мы понимаемъ не элементарныя содержанія сознанія, а лишь ихъ непосредственную связь. Этимъ представленіе отличается какъ отъ ощущенія (т.-е. отъ самихъ элементарныхъ содержаній, съ которыми оно раздѣляетъ характеръ чувственной непосредственности), такъ и отъ понятія, которое, хотя также представляетъ собою нѣкоторую связь, однако—не непосредственную, а опосредствованную и уже предполагающую непосредственную связь представленія. Понятіе, какъ таковое, непредставимо, хотя оно и можетъ быть выражено посредствомъ представленія. Психологическій терминъ „представленіе“ не вызываетъ въ насъ мысли о репрезентации (Repräsentation), замѣщеніи чего-либо чѣмъ-либо другимъ, но только—о простой, непосредственной „наличности“ нѣ котораго содержанія (Präsentation). Представленіе есть подлежащее объективированію содержаніе сознанія, имѣющееся еще до акта объективированія, каковое объективированіе является уже дѣйствіемъ понятія. Въ самомъ понятіи представленія еще не предполагается поэтому различенія между первоначальнымъ воспріятіемъ и репродукціей (impression и idea Юма), такъ какъ такое различеніе уже содер-

жить въ себѣ значеніе замѣщенія нѣкоторымъ даннымъ чего-либо неданнаго, какое замѣщеніе и отличаетъ какъ разъ понятіе отъ представленія. Въ постоянной смѣнѣ связей представленіе преимущественно и выражаетъ сознание какъ процессъ, какъ психическое движеніе. Въ качествѣ непосредственнаго переживанія оно всегда заключаетъ въ себѣ связь каждаго даннаго момента переживанія съ предшествовавшими и будущими моментами, но эта связь всегда переживается вмѣстѣ съ тѣмъ и въ чувствѣ—какъ предчувствіе и воспоминаніе о чувствѣ, уже пережитомъ. И именно опредѣленность представленія впервые даетъ чувству,—которое само не содержитъ въ себѣ никакого принципа обособленія и построенія,—ту его опредѣленность, которая въ особенности служитъ основаніемъ для эстетическаго сознанія. Эстетическое чувство—есть чувство формы, эстетическое представленіе—представленіе, проникнутое чувствомъ, эстетическіе законы—законы формированія представленій (*Vorstellungsgestaltung*) и тѣмъ самымъ опредѣленія чувства. Во всякомъ предчувствіи и воспоминаніи о о чувствѣ пережитомъ, въ смѣнѣ представленій—всегда содержится въ то же время и моментъ стремленія. Предметъ представленія въ процессѣ представленія есть всегда также и предметъ заложеннаго въ представленіи стремленія. (Болѣе того, стремленіе по своей основной формѣ есть именно стремленіе представленія § 45). Итакъ, подобно тому, какъ въ ощущеніи необходимо одно-

временно мыслить послѣднее элементарное основаніе чувства и стремленія, такъ и въ представленіи необходимо мыслить чувство и стремленіе въ опредѣленномъ значеніи чувства формы и стремленія къ созиданію формы.

§ 47. Представленіе времени и представленіе пространства.

Критика познанія даетъ основаніе для психологической реконструкціи представленія—въ томъ, что у Канта носитъ названіе „созерцаніе“, понимая послѣднее въ его чистой основной формѣ закона, значить, собственно въ „формахъ созерцанія“—времени и пространствѣ. (ср. § 19). Въ критикѣ познанія созерцаніе является посредствующимъ моментомъ между понятіемъ и ощущеніемъ,—методомъ конкретнаго представленія чисто мыслимаго, реализующимъ это послѣднее въ познаніе не столько того, что уже дано въ ощущеніи, сколько того, что только еще подлежитъ познанію и задано ему въ качествѣ предмета. Психологія, напротивъ, исходя изъ ощущенія, имѣетъ возможность—при помощи соотвѣтствующаго созерцанію посредствующаго акта—воспроизводитъ въ представленіи (*repräsentieren*), т.-е. данное черезъ ощущеніе содержаніе приводитъ къ понятію, и въ этомъ собственно и заключается психологическое понятіе представленія какъ непосредственной связи элементарныхъ содержаній, которыя оно какъ бы

подготавливает для опосредствованной связи въ понятіи. Слѣдовательно, въ связи и притомъ именно непосредственной связи элементарныхъ содержаній долженъ быть открытъ психологическій первоисточникъ представленія времени и пространства, и въ этомъ первоисточникѣ должно быть дано также основаніе представленія вообще, подобно тому, какъ согласно выводамъ критики познанія въ „чистыхъ“ созерцаніяхъ времени и пространства имѣетъ вообще свое методическое основаніе реализація понятія предмета.

1) **Время.** Изъ двухъ родовъ связей временная связь является наиболѣе основной. У Канта эта мысль находитъ себѣ выраженіе въ томъ утвержденіи, что время есть „форма внутренняго чувства“. Это значитъ, что представленіе времени находится въ самомъ непосредственномъ отношеніи къ сознательности, какъ таковой. Мы не созерцаемъ времени внѣшнимъ образомъ, мы переживаемъ его только въ послѣдовательности нашихъ воспріятій; оно дѣйствительно относится, слѣдовательно, къ элементарному содержанію сознанія въ самой непосредственной формѣ его психической наличности. (*Daseinsweise*) Но непосредственной формой существованія содержаній въ сознаніи является связь (§ 41). Слѣдовательно представленіе времени должно изображать связь представленій въ ея самой непосредственной формѣ. Всякая связь, именно въ качествѣ таковой, должна быть прежде всего связью во времени. Этимъ опредѣляется вмѣстѣ съ тѣмъ отношеніе

представленія времени съ одной стороны—къ функціи понятія, ближайшимъ образомъ къ количественному синтезу (§ 20, 1), съ другой стороны—къ ощущенію. Сообразно съ этимъ представленіе времени есть не что иное, какъ основной способъ распорядка ощущеній въ непосредственномъ представленіи согласно законамъ синтеза, прежде всего количественнаго. Само время, слѣдовательно, не есть содержаніе ощущенія, какъ не является оно и чистымъ понятіемъ, но съ другой стороны оно не можетъ быть также и безъ наполняющаго его ощущенія; напротивъ, оно возможно какъ представленіе лишь черезъ расположеніе ощущеній въ послѣдовательный рядъ.

2) **Пространство.** Представленіе пространства является аналогичнымъ представленію времени во всѣхъ выше упомянутыхъ отношеніяхъ. Оба находятся вмѣстѣ съ тѣмъ въ столь тѣсномъ взаимномъ соотношеніи (*Korrespondenz*), что съ одной стороны представленіе пространства зависитъ отъ представленія времени, съ другой—представленіе времени является обусловленнымъ представленіемъ пространства (ср. § 19). И то и другое порождаются съ одинаковой первоначальностью и вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ тѣсномъ взаимоотношеніи другъ съ другомъ въ процессѣ расположенія ощущеній въ послѣдовательный рядъ; они и существуютъ и различаются лишь въ томъ способѣ, какимъ элементарныя содержанія сознанія распредѣляются и связываются нами въ непосредственномъ актѣ пред-

ставленія. При этомъ подобно тому, какъ время входитъ въ сознание черезъ различіе элементовъ, подлежащихъ связи, такъ точно и пространство входитъ первоначально въ сознание черезъ посредство того способа, какимъ уже различные въ извѣстномъ отношеніи элементы соединяются вмѣстѣ съ тѣмъ въ единствѣ представленія. Именно поэтому и пространство и время стоятъ въ опредѣленномъ отношеніи къ логической функціи (*dem begrifflichen Verfahren*) количества или числа: представленіе времени соотвѣтствуетъ счисленію, какъ установленію послѣдовательности ряда (*Ordnungszahl* — числительное порядковое), представленіе пространства — счисленію, какъ связыванію единицъ въ одно цѣлое (опредѣленное множество, сумма). Однако общее имъ обоемъ свойство непрерывности указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на функцію качества. Правда, сама эта непрерывность можетъ только мыслиться, и не можетъ быть чувственно представлена, но самое требованіе непрерывной связи заключается уже въ понятіи ощущенія (§ 43), вслѣдствіе чего временно-пространственная связь, какъ связь ощущеній, не можетъ мыслиться иначе, какъ непрерывной. Разсматриваемое какъ порядокъ ощущеній, временно-пространственное представленіе подчинено однако еще и законамъ отношенія (§ 21), которые, какъ формы мышленія, представляютъ собою именно функціи порядка и притомъ, — имѣя цѣлью этотъ порядокъ, — выполняютъ его строго единымъ, исключительно къ его осу-

ществленію направленнымъ способомъ. На этомъ требованіи единства порядка основано понятіе „сущаго“ въ отличіе отъ того, что только вообще (согласно законамъ опыта) возможно. Этимъ обосновывается экзистенціальный характеръ временно-пространственнаго представленія, подобно тому, какъ уже ощущеніе содержало въ себѣ указаніе на существованіе (временно-пространственное) въ нѣкоторой точкѣ, или нѣкоторомъ моментѣ (здѣсь, теперь). Но основное различіе представленія времени и представленія пространства обнаруживается и въ этомъ направленіи въ томъ, что временное раздѣленіе обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленіе въ существованіи, пространственная же связь, напротивъ, — сосуществованіе.

§ 48. Понятіе и познаніе.

Посредствомъ ощущенія и представленія даны лишь чувственныя предварительныя условія понятія и познанія (а не само понятіе и само познаніе), какъ нельзя сказать и того, чтобы понятіе и познаніе были психологически выразимы (*repräsentierbar*) лишь черезъ ощущеніе и представленіе. Въ самомъ дѣлѣ, ни простая данность многообразнаго въ ощущеніи, ни простая чувственная связь элементовъ этого многообразнаго въ извѣстной послѣдовательности, или въ существованіи рядомъ другъ съ другомъ, не являются достаточными для объясненія сознанія, поскольку оно выходитъ за предѣлы

наличнаго въ каждый данный моментъ содержанія тѣмъ особымъ способомъ, какимъ это всегда дѣлается посредствомъ понятія. Въ качествѣ просто даннаго содержаніе ощущенія и представленія можетъ быть для сознанія только чѣмъ-то безусловно наличнымъ. Поэтому никакое отношеніе чего-либо непосредственно - даннаго къ неданному, или представленіе чего-либо неимѣющагося въ наличности черезъ данное въ наличности, и потому даже никакое вообще сознательное различіе во времени или припоминаніе—не могли бы быть объяснены посредствомъ одного только ощущенія и представленія. Даже простого возстановленія представленія одинакаго содержанія съ представленіемъ, которое раньше было дано въ сознаніи, это объясненіе не дѣлаетъ понятнымъ, если не допустить при этомъ особаго рода умственного схватыванія, дающаго возможность приравненія другъ другу содержанія въ одномъ актѣ сознанія одновременно раздѣлять и связывать, различать и отождествлять. Это единство сознанія не можетъ быть названо чувственнымъ, поскольку отличительную особенность чувственнаго сознанія составляетъ именно непосредственная наличность содержанія въ сознаніи. Мы называемъ это единство (вмѣстѣ съ Кантомъ) первоначальнымъ синтетическимъ единствомъ сознанія; первоначальнымъ—поскольку оно не можетъ быть выведено изъ ощущенія и представленія, но, напротивъ, является по сравненію съ ними болѣе кореннымъ; синтетическимъ — по-

скольку оно соединяетъ раздѣленное въ ощущеніи и представленіи и какъ бы однимъ духовнымъ взоромъ въ единомъ актѣ объединяетъ наличное содержаніе съ неналичнымъ, которое только представляется черезъ наличное. Такимъ именно способомъ многообразное содержаніе, которое ощущеніе черезъ посредство представленія какъ бы предлагаетъ для познанія, впервые становится дѣйствительно познаннымъ, т. е. представленнымъ въ такомъ единствѣ, которое основывается не на способѣ, какимъ намъ что-либо дано, а на точкѣ зрѣнія нашего собственнаго умственнаго усвоенія этого даннаго. Функція эта является основаніемъ всякаго тождества, познаваемаго въ содержаніи ощущенія и представленія; безъ нея для нашего сознанія не существовало бы ни тождественнаго „что“ (was) въ содержаніи ощущенія и представленія, ни тождественнаго „когда“ или „гдѣ“, ни „бытія“ (Sein), ни опредѣленнаго существованія (So-Sein) или отношенія,—не существовало бы ни понятія, ни сужденія, ни умозаключенія, ни доказательства, ни науки, ни закона, ни истины, ни предмета, такъ какъ каждое изъ перечисленныхъ понятій уже содержитъ въ себѣ то единство сознанія, которое можетъ быть названо функціей разсудка, поскольку на немъ основано всякое пониманіе и усмотрѣніе (Einsehen) чего-либо.

§ 49. Опытъ и идея, воля и разумъ.

Все построение теоретическаго предметнаго познания или „опыта“ можно психологически представить себѣ на установленныхъ выше основаніяхъ. Теоретическому познанию противостоитъ практическое познание „идеи“ для воли. Однако оба эти рода познания,— какъ въ своей послѣдней объективной законновѣрности тѣсно связаны между собой и взаимно дополняютъ другъ друга (§§ 22, 27), такъ и въ послѣднемъ субъективномъ основаніи сознанія, въ индивидуальной личности, составляютъ нѣчто единое и неразрывное. Въ построении самого опыта дѣйствуетъ уже съ самаго начала моментъ стремленія, которое только на самой низшей ступени своего развитія растворяется, повидимому, въ ближайшихъ къ нему эмпирическихъ элементахъ, но само по себѣ и на высшихъ степеняхъ своего проявленія вполне опредѣленно и сознательно выходитъ за предѣлы всего эмпирическаго, указывая на только еще подлежащее образованію единство и въ концѣ концовъ— на то безусловное объективное единство сознанія, которое хотя и остается навсегда недостижимымъ для процесса опыта, но на которое этотъ процессъ тѣмъ не менѣе первоначально направленъ, и на которомъ онъ основанъ по самой своей природѣ и законности. Соотвѣтственно этому ступени практическаго сознанія идутъ строго параллельно ступенямъ теоретическаго познания (ср. § 28). Такъ стремленіе въ своей чувственной первоначальной

формѣ оказалось тождественнымъ съ ощущеніемъ и представленіемъ (§§ 44—46). Ступени „разсудка“ (понятію и сужденію) соотвѣтствуетъ воля въ собственномъ значеніи практическаго установленія объекта (Objektsetzung) или практическаго познания. Энергія воли въ собственномъ смыслѣ, возвышающаяся надъ простымъ влеченіемъ, основана на концентраціи сознанія, каковая концентрація, взятая въ отношеніи къ познанію, выражается въ знаніи того, чего именно хочешь,— въ опредѣленномъ намѣреніи совершить извѣстное дѣло. Постольку воля ни въ какомъ случаѣ не является простымъ механическимъ результатомъ раньше бывшихъ влеченій (истинный моментъ въ сознаніи „свободы воли“). Но этимъ особымъ способомъ построения объекта уже намѣчается методъ, который въ дальнѣйшемъ стремится мало-помалу овладѣть всей областью практическаго сознанія, организовать ее и такимъ образомъ соединить въ единый міръ воли все, что должно быть объектомъ воли, подобно тому, какъ теоретическія представленія объектовъ стремятся объединиться въ единомъ мірѣ опыта. На этой третьей ступени обѣ великія области теоретическаго и практическаго сознанія вполне опредѣленно расходятся и однако въ то же время оказываются находящимися между собою въ самой тѣсной связи. Какъ единство теоретическаго познания не осуществляется безъ энергичнаго содѣйствія воли, такъ въ свою очередь и организація міра воли не можетъ быть выполнена безъ возвышенія теоретическаго пониманія до

высоты единства разума въ познаніи. Свообразнымъ психологическимъ выраженіемъ этой ступени сознанія является „разумъ“, который имѣетъ, слѣдовательно, одновременно и теоретическій и практическій характеръ, хотя и получаетъ для себя въ каждомъ изъ этихъ двухъ отношеній особое выраженіе. Съ чисто теоретической точки зрѣнія функція разума является прежде всего ограничивающей, но въ то же время и расширяющей въ смыслѣ „регулятивныхъ принциповъ“ (§ 36); съ практической точки зрѣнія функція разума заключается въ установленіи положительныхъ цѣлей; въ томъ и другомъ отношеніи она является „направляющей“ въ двоякомъ значеніи критическаго обсужденія и руководства. Еще особое третье значеніе наряду съ теоретическимъ и практическимъ—разумъ обнаруживаетъ въ качествѣ эстетическаго разума, заставляя силы творческой фантазіи (§ 46) служить задачѣ непосредственнаго выраженія того, что „должно быть“ въ нѣкотораго рода бытіи, какъ въ его символѣ, или же—задачѣ возвышенія существующаго (бытія) до высоты того, „что должно быть“, посредствомъ какъ бы приписываемаго ему новаго значенія (§ 39). Но для всего этого, такъ же какъ и для религіознаго сознанія (§ 40), не требуется никакихъ новыхъ основныхъ психическихъ функцій, кромѣ указанныхъ выше, такъ что въ нихъ именно система основныхъ психическихъ функцій и получаетъ свое завершеніе.

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
I. Общее введеніе въ философію.	
Понятіе, методъ и раздѣленіе философіи.....	5—21
II. Основныя начала логики.	
А. Главнѣйшія ученія о понятіи, сужденіи, умозаключеніи и доказательствѣ.....	22—41
В. Основныя положенія теоріи познанія.....	41—53
III. Основныя начала этики.	
А. Чистая этика.....	54—63
В. Конкретная этика.....	63—86
Приложеніе:	
Задача эстетики и философіи религіи.....	86—92
IV. Начальныя основы психологіи.....	93—118

УЧЕТ 1925 г.